THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

РУССКІЯ
ПОСЛОВИЦЫ
И
ПОГОВОРКИ
ВЪ ЛИЦАХЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
1850.

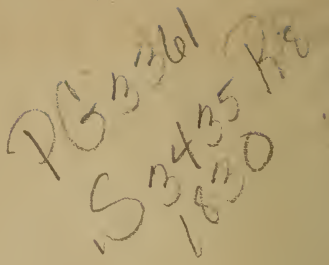
Sergeev, Aleksei
Russkiia poslovitsy i pogovorki v litsakh.

РУССКІЯ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ ВЪ ЛИЦАХЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Печатано въ Военной Типографіи.

1830.



ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Февраля 11-го, 1830 года.

Цензоръ О. Сенковскій.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Благодареніе Богу! честь и слава нашему Правительству!— Оно изыскиваетъ всѣ возможные средства, и не щадитъ никакихъ пожертвованій, для просвѣщенія Русскаго народа.

Но Правительство можетъ дать народу только средства; достиженіе же цѣли зависитъ отъ самаго народа, какъ отъ дѣйствователя. Но дабы дѣйствовать, надобно имѣть готовность воли; а сія готовность воли, ни отъ Правительства, ни даже отъ самаго народа не зависитъ.

Что жъ можетъ содѣйствовать благодѣтельнымъ мѣрамъ Правительства, двигать народъ къ цѣли просвѣщенія? — По мнѣнію моему, — возбужденіе готовности воли (хотѣнія) народа, къ чтенію полезныхъ сочиненій. Способы къ тому, какъ я полагаю, суть книги — по образу изложенія и по содержанію своему, доступныя юнымъ понятіямъ народа, близкія къ его образу мыслей, сродныя его простому образу жизни.

У насъ такихъ книгъ нѣтъ, или почти-что нѣтъ (*).

(*) Кромѣ повѣсти — *Лука* да *Марья* — соч. Ѳ. Н. Глинки, я ни одной не знаю.

Желая посильно воспособить сему недостатку, я написалъ *пословицы* и *поговорки.* Книжка сія можетъ служить народу заохоченіемъ къ чтенію книгъ, содержанія болѣе важнаго. Она же убережетъ отъ забвенія и нѣкоторые обряды предковъ нашихъ, ихъ повѣрья, обычаи, предразсудки и проч.

Если предположенія мои хотя нѣсколько основательны: если посильный трудъ мой люди просвѣщенные одобрятъ, то я охотно рѣшусь продолжать оный; а если добрымъ читателямъ принесу хотя нѣкоторую пользу, то почту себя счастливымъ и пресчастливымъ.

Алексѣй Сергѣевъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

I. Маша . . . . . 1.

II. Фока . . . . . 27.

III. Извощикъ . . . . . 33.

IV. *Не рука крестьянскому сыну калачъ есть* . . 49.

V. Князь N....— . . . . . 53.

VI. Тишка . . . . . 63.

VII. Страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ. 83.

VIII. Вечеръ въ крестьянской избѣ, или *всѣ бобры, всѣ равны* . . . . . 125.

IX. *Голинькой охъ! а заголинькимъ Богъ* . . . . 137.

РУССКІЯ
ПОСЛОВИЦЫ и ПОГОВОРКИ
ВЪ ЛИЦАХЪ.

I.
МАША.

(Пронзшествіе въ Симбирскѣ, въ 1799 году.)

ГОРНИЦА ВЪ МѢЩАНСКОМЪ ДОМѢ.

Мѣщанинъ (вставъ изъ-за стола и помолившись Богу). Што-ста ты не говоришъ хозяйка, а всё-то не путное. Ну сама суди, какой тутъ толкъ: дѣвка путемъ не поужинала, да полно перекспилась ли и на святыя-то иконы....

Жена его. Полно-ста, полно! Не тебѣ учить меня; не твое дѣло управляться съ дочерью. Што она за монастырка (1)? еще надомовничается и за-мужемъ. А ты лучше молись-ка Богу, да ложись спать;

такъ завтра раньше на бахчи поѣдешь. Вѣдь ужъ арбузы-то, я чай, снимать пора.

Мѣщ. (про себя). Ты ее ксти, а она въ воду лѣзетъ. (въ слухъ). А кто отопретъ калитку рыскушѣ-то?

Жена. Да неужъ ли ты продрыхнешь до за утрени? вѣдь хороводы-то разходятся почти съ солнышкомъ; а Машѣ не въ полночь же уйти оттуда?

Мѣщ. Ну Марковна! чтобъ послѣ не каяться!....

Хороводъ.

Сумерки. На лугу, противъ Св. воротъ Покровскаго монастыря, стоятъ не большими кучками молодыя дѣвушки, въ полупраздничныхъ нарядахъ и весело, но тихо разговариваютъ между собою. Не далеко отъ нихъ кружокъ молодыхъ людей. Черные кожаные картузы, голубые и алые платки на шеяхъ, разноцвѣтныя шелковыя перчатки со стрѣлками, синіе

сертуки и востроносые сапоги—костюмъ приказныхъ. Пуховыя и поярковыя шляпы, голубые и синіе китайчатые халаты, подпоясанные шелковыми кушаками и тупоносые козловые сапоги — костюмъ купцовъ и зажиточныхъ мѣщанъ. Высокіе (въ пол-аршина) красные околыши, съ длинными, колпакообразными темнозелеными верхушками, полосатые халаты и длинноносые башмаки (часто на босую ногу) — костюмъ удалыхъ школьниковъ. Всѣ балагурятъ шумно, но не буйно. Довольно громкій смѣхъ сопровождаетъ бесѣду ихъ.

Здравствуйте добрые молодцы! и вы красныя дѣвицы! — сказала, подходя къ нимъ, вдова Ивановна и низко поклонилась на обѣ стороны. — Здорово! здорово, Ивановна! отвѣчали тѣ и другіе, обращясь къ ней и такъ же низко кланяясь — и вдругъ молодежъ смѣшалась съ дѣвушками. Потомъ чинно составили большой кругъ и всѣ запѣли:

Какъ на улицѣ дожикъ накрапаетъ,
Хороводъ красныхъ дѣвокъ прибываетъ.
Охъ вы дѣвушки поиграйте;
Ужъ какъ вы холостые не глядите:
Вамъ глядѣньицемъ дѣвушекъ не взяти, —
Ужъ какъ взять ли не взять ли по любови,
Что по батюшкину повелѣнью,
Что по матушкину благословенью (2).

Кругъ разорвался на двѣ половины; каждая половина вытянулась въ линію и стала одна противъ другой, въ разстояніи десяти шаговъ.

Первая половина (поетъ):

А мы просо сѣяли;
Ой Дидъ Ладо, сѣяли.

Вторая половина:

А мы просо вытопчемъ,
Ой Дидъ Ладо, вытопчемъ.

Первая:

А чѣмъ же вамъ вытоптать?
Ой Дидъ Ладо, вытоптать?

Вторая:

А мы коней выпустимъ;
Ой Дидъ Ладо, выпустимъ.

Первая:

А мы коней переймемъ;

Ой Дидъ Ладо, переймемъ.

Вторая:

А чѣмъ же вамъ перенять?

Ой Дидъ Ладо, перенять?

Первая:

Шелковыимъ поводомъ.

Ой Дидъ Ладо, поводомъ.

Вторая:

А мы коней выкупимъ;

Ой Дидъ Ладо, выкупимъ.

Первая:

А чѣмъ же вамъ выкупить?

Ой Дидъ Ладо, выкупить?

Вторая:

А мы дадимъ сто рублей.

Ой Дидъ Ладо, сто рублей.

Первая:

Не надо намъ тысячи.

Ой Дидъ Ладо, тысячи.

Вторая:

А что же вамъ надобно?

Ой Дидъ Ладо, надобно?

Первая:

Намъ надобно дѣвицу;
Ой Дидъ Ладо, дѣвицу (3).

Послѣ чего изъ второй половины въ первую перешла дѣвушка.

Вторая:

Нашего полку убыло;
Ой Дидъ Ладо, убыло.

Первая:

Нашего полку прибыло;
Ой Дидъ Ладо, прибыло.

Такимъ образомъ продолжали они до тѣхъ поръ, пока изъ второй половины въ первую не перешли всѣ дѣвушки.

А ты, баринъ, что съ нами не-играешь? — Сказала Ивановна, стоящему нѣсколько по-одоль молодому человѣку, въ модной пуховой шляпѣ и сѣромъ щеголеватомъ сертучкѣ.

Незнакомецъ. Я не знаю порядка, милая.

Ивановна. Стань-ка добро, стань; такъ мы и научимъ.

Она безъ церемоніи взяла его за руку и поставила между Машею и маленькой дѣвушкой, примолвя: вотъ теперь и тебѣ будетъ не скучно, да и Машѣ-то веселѣе.

Незнакомецъ (Машѣ). Не прогнѣвайся, красавица, если я что не такъ стану дѣлать. (Онъ взялъ ее за лѣвую руку).

Маша (стыдливо). Ничего-сша....

Общій хоръ:

Заплетися плетень заплетися;
Ты завейся труба золотая;
Завернися камка кружчатая!
Изъ-за горъ дѣвица гусей гоняла:
Тига гуси домой!
Тига сѣры домой!
Я сама гуськомъ,
Сама сѣренькимъ;
Я старымъ старикамъ —
Киселя съ молокомъ;
Я старымъ бабамъ —
Каши съ масломъ;
Молодымъ молодкамъ —
Шелковую плешку;

А краснымъ дѣвицамъ —
Бѣлилъ да румянъ.
Заплелися плетень, заплелися и проч.

При началѣ сего хора всѣ стали попарно и сомкнувшись руками, вытянулись въ линію. Первая пара подняла вверхъ соединенные руки; а подъ оныя пошли всѣ играющіе, начиная съ послѣдней пары. Когда же хоръ кончился и прошла уже вторая пара, то стоявшая въ первой парѣ Ивановна, поднырнувъ подъ руку своего товарища, положила правую его руку къ себѣ на плечо, чѣмъ и составила первое звено плетня и такимъ образомъ продолжали они до тѣхъ поръ, пока всѣ не заплелись въ общій плетень.

Между тѣмъ красивый незнакомецъ въ сѣромъ сертучкѣ ходитъ съ Машею. Онъ нѣсколько разъ начиналъ говорить съ ней; но она дрожащимъ голосомъ отвѣчала ему коротко — *да* или *нѣтъ*. Онъ наконецъ заглянулъ ей въ лице, взоры

ихъ встрѣтились и быстрый огонь пробѣжалъ по лицу красавицы Маши. Длинныя рѣсницы ея опустились; рука слегка пожатая незнакомцемъ, затрепетала и полная грудь ея примѣтно заволновалась.... Но вотъ и до нихъ дошла очередь, и они подняли соединенныя руки. Вотъ прошелъ уже весь хороводъ — и высокій незнакомецъ опустилъ руку свою чрезъ плечо красавицы почти на грудь ея.... Колѣна Маши затряслись. Она, чтобы не упасть на землю, крѣпко стиснула руку незнакомца. — Въ сердцѣ незнакомца закипѣла страсть люшая....

Плетень заплетенъ и разсыпался; а Маша и незнакомецъ стояли какъ окаменѣлые.

Теперь въ горѣлки! — сказала Ивановна. — Въ горѣлки! въ горѣлки! — раздалось нѣсколько голосовъ и всѣ стали попарно, какъ становятся пары при началѣ длиннаго польскаго. Незнакомецъ и Маша вздрогнули, машинально пошли

къ прочимъ и стали въ послѣднюю пару. — Милая! Милая! — шепталъ незнакомецъ. Маша отвѣчала сильнымъ вздохомъ и непроизвольно пожала руку его....

Но вотъ и горѣлки кончились. Опять составился общій кругъ. Запѣли извѣстную пѣсню: *Лишь зорюшка занялась.* А когда и оную кончили, то всѣ стали разходиться по домамъ. Интересный незнакомецъ проводилъ Машу до ея калитки.

Женихъ.

Марковна (встрѣчая мужа). Долго-сташы замѣшкался; а у насъ былъ гость и велѣлъ тебѣ кланяться. — Угадай-ка кто?

Мѣщанинъ. Мало ли у насъ знакомыхъ? какъ угадать?

Она. И незнакомой-сша, да лучше иной родни.

Онъ. Кто бы это такой?

Она. Пригожій-сша парень, богатой баринъ.

Онъ. А за чемъ бы это?

Она. Свашать за себя Машу.

Онъ. Добро-сша пожаловать, милости просимъ! А кто сваха-то?

Она. Кто сваха-то? Онъ — видишъ ты — нездѣшній и говоритъ, что у нихъ свахъ засылать не въ обычаѣ.

Онъ. Эге, Марковна! — да шутъ ужъ вовсе что-то непушное....

Она. Полно-сша, полно! увидишь, такъ не то скажешь. Онъ завтре опять придетъ. Небось обѣими руками перекрестишься. Я сказала, что мы ради его милости.

Онъ. Ну инъ покуда будь по твоему. А что невѣста — то?

Она. Да ей какое шутъ дѣло?

Онъ. А вотъ такое-то, что я принуждать не стану; да и тебѣ закажу.

Она. Поди-шка ты пожалуй! онъ и мнѣ закажетъ! (входитъ Маша). Погляжу я!

Онъ. Маша! видѣла шы жениха?

Маша (застѣнчиво). Да, батюшка! видѣла.

Онъ. Ну что?—приглянулся ли онъ тебѣ?

Маша. Власть ваша, батюшка!

Онъ. Не въ томъ, — слышь, дѣло; а любъ ли онъ тебѣ-шо?

Марк. Не бось, дитятко! не стыдись! скажи....

Маша. Власть ваша, матушка! (дрожащимъ голосомъ.) А мнѣ онъ по-сердцу.

Марк. Ай-да умница! (мужу.) Ну, теперь что скажешь?

Онъ. Теперь-сша и калякать нечего. Одначе, кто же онъ шаковъ? есть ли у него здѣсь родня, аль знакомые?

Она. Завтре всё узнаешь; завтре всё узнаешь.

Дѣвишникъ.

Вечеръ. За большимъ дубовымъ столомъ подъ святыми, сидѣла счастливая

красавица Маша, окруженная нарядными подругами. Марковна суетливо бѣгала по горницѣ и разставляла на столѣ яблоки, арбузъ, дыню, черносливъ, изюмъ, инжиръ (винныя ягоды), грецкіе и каленые орѣхи, финики и проч. — Дѣвушки начали между собою перешептываться и вдругъ запѣли слѣдующую пѣсню:

Ахъ сборы, сборы — Машины:
Сбирала подругъ за свой столъ,
Сажала подругъ высоко,
Сама садилась выше всѣхъ;
Клонила голову ниже всѣхъ,
Думала думушку крѣпче всѣхъ.
Подружки мои, голубушки!
Придумайте мнѣ — пригадайте:
Какъ мнѣ величать свёкра будетъ?
Батюшкой назвать — не хочется;
А свёкромъ назвать — осердится.
Убавлю спѣси, гордости;
Прибавлю ума, разума:
Назову свёкра — батюшкой,
Лихую свекровь — матушкой (4).

Маша, блѣдная какъ мертвецъ, платя дань старинному обычаю, — горько плакала. Дверь распахнулась настежь и — Маша сквозь слёзы улыбнулась; розы запылали на полныхъ щекахъ ея. Вошелъ извѣстный уже намъ незнакомецъ и ловко поклонясь хозяину и хозяйкѣ, поднесъ первому зарбашной кушакъ, а женѣ его богатаго пирюсиню на шѣлогрѣйку. Они привѣтливо поцѣловались по три раза; а принявъ подарки, низко поклонились поднесшему.

Марковна. Спасибо-ста, дорогой гость Алексѣй Ивановичь! на дорогихъ подаркахъ, спасибо! — Милости просимъ садиться.

Незнакомецъ. Вашему подарку и цѣны нѣтъ; а на моихъ не прогнѣвайтесь, любезная матушка и батюшка!

Между тѣмъ сидѣвшія за столомъ дѣвушки раздвинулись и пропустили жениха къ невѣстѣ. Онъ подалъ ей кусокъ штофу и сѣвши подлѣ нее, крѣпко по-

цѣловалъ стыдливую. Дѣвушки запѣли:

А кто у насъ уменъ?
Кто у насъ разуменъ?
Ай люли, люли; кто у насъ разуменъ?
Алексѣй сударь уменъ,
Иванычь разуменъ! —
Ай люли, люли; Иванычь разуменъ!
Онъ щепотко ходитъ,
Манерно ступаетъ,
Ай люли, люли; манерно ступаетъ.
Башмакъ не ломаетъ,
Чулокъ не мараетъ,
Ай люли, люли; чулокъ не мараетъ.
На добра коня садится,
Подъ нимъ конь веселится,
Ай люли, люли; подъ нимъ конь веселится.
Къ саду подъѣзжаетъ, —
Весь садъ разцвѣтаетъ;
Ай люли, люли; весь садъ разцвѣтаетъ.
Весь садъ разцвѣтаетъ,
Соловьи распѣваютъ;
Ай люли, люли; соловьи распѣваютъ.
На широкой дворъ въѣзжаетъ,
Ко крыльцу подходитъ;
Ай люли, люли; ко крыльцу подходитъ.

Его Машинька встрѣчаетъ, —
За бѣлы руки примаетъ,
Ай люли, люли; за бѣлы руки примаетъ.
За бѣлы руки примаетъ,
Во горницу вводитъ,
Ай люли, люли; во горницу вводитъ.
Рюмку водки наливаетъ, —
Алексѣю подноситъ;
Ай люли, люли; Алексѣю подноситъ.
Алексѣй сударь, выпей,
Иванычь, искушай! —
Ай люли, люли; Иванычь искушай!
Не пью я хмѣльнова —
Вина зеленова;
Ай люли, люли; вина зеленова.
Дайте мнѣ шакова,
[illegible]у сладкова;
Ай люли, люли; что меду сладкова.

Жениху шепнули что-то на ухо и онъ поцѣловалъ Машу.

Припѣвъ:

Слышишь ли, Алексѣй господинъ!
Тебѣ пѣсню поемъ;
Слышишь ли, Иванычь!
Величаемъ тебя; —

Будешь дарить, будешь дарить, —
Мы не станемъ корить.

Женихъ вынулъ изъ кармана цѣлковой и положилъ на жестяной подносъ подошедшей къ нему дѣвушкѣ.

Потомъ спѣли пѣсню невѣстѣ, за которую женихъ отдарилъ цѣлковымъ же. За тѣмъ пѣли отцу и матери и всѣмъ гостямъ, присутствовавшимъ на дѣвишникѣ. Они такъ же клали на подносъ по нѣскольку мѣдныхъ денегъ. —

Въ продолженіи чего разносили гостямъ медъ, пиво, наливки, чихирь [5]; подавали фрукты, на столѣ стоявшіе, и такимъ образомъ вечеръ кончился.

Безшабашные.

Между Симбирскомъ и Сенгилеемъ [6], на крутомъ берегу Волги, среди густаго дубоваго лѣса есть небольшая поляна, правою стороною примыкающая къ глубокому оврагу, изрытому небольшимъ

ключемъ во время полыхъ водъ. На той полянѣ, въ бурную осеннюю ночь, плотный Татаринъ, завернувшись въ бѣлый солдатскій плащь, въ шляпѣ съ длинными полями, въ широкихъ бахилахъ (1), съ заряженною винтовкою въ рукѣ, длиннымъ булатнымъ ножемъ за поясомъ, ходилъ по краю оврага, — на днѣ коего, подъ опрокинушыми одна подлѣ другой косными и завознями (лодками), лежали нѣсколько человѣкъ безшабашныхъ (разбойниковъ) и разговаривали между собою.

Бывшій крестьянинъ. Поди-ткось ты! сколько ни пытались, а не могли развесть.

Бывшій холопъ. Таперь ли объ огнѣ думать: у меня вѣшеръ вырвалъ изъ рукъ два палѣна, а дождь пагасилъ толстой смалевой канатъ.

Старовѣръ. Знать Господь Богъ — за беззаконія наша — наказуетъ насъ преждевременнымъ адомъ.

Бывшій послушникъ. Нѣтъ, братія! аще бы адъ былъ не подъ землею, а на

къ стр. 18.

Рис. Ол. Васильевъ. Грав. Н. Чесскій.

Between 18 & 19 p.

ней, то зѣльный вѣтръ сей отторгнулъ бы отъ него крышу; а дождь погасилъ бы рѣки огненны.

Всѣ вмѣстѣ. Впрямь такъ! Впрямь такъ.

Бывшій мѣльникъ. Такъ чегожъ мы зѣваемъ товарищи? коли хотите избавиться мýки вѣчной, такъ пойдемъ-те теперь же къ ближней мѣльницѣ; выкопаемъ тамъ яму до ада, разломаемъ на немъ крышу, а съ достальнымъ-то дождь управится.

Всѣ. Ха! ха! ха! ха! ха!

Бывшій холопъ. Аднако рабяты, Алёшки-то Кистеня всё нѣтъ да нѣтъ.

Быв. послушникъ. Не злый ли демонъ, въ видѣ лѣпообразной Маріи, прельстилъ его?....

Быв. мѣльникъ. На экова-то демона у меня есть свои бѣсенята.

Быв. холопъ. Такъ нельзя спустить хоть одну свору?....

Быв. послушникъ. Нѣтъ, хоть одного, да только съ жезломъ желѣзнымъ — чтобъ

сокрушилъ сосудъ скудельный... и чтобъ паки нашъ Исакій плясалъ съ нами!

Быв. мѣльникъ. Въ правду ли ты говоришъ? согласны ли и вы товарищи?... (Онъ положилъ обѣ руки на два поясные ножа).

Татаринъ (на верху). Хто?

Всѣ (таинственно). *Вода, вода!* и всѣ похватались за свои вооруженія.

Татаринъ. Моямъ кричалъ хто — твоямъ! (на верху раздался выстрѣлъ).

Всѣ безшабашные выскочили изъ подъ лодокъ и молча полѣзли одинъ за другимъ на гору; Старовѣръ заключалъ ихъ шествіе. Уже они поднялись до половины; но вдругъ что-то тяжелое ринулось имъ на встрѣчу и въ своемъ паденіи увлекло разбойниковъ въ глубь оврага.

Старовѣръ первый оправился отъ нечаяннаго паденія, и увидя между своими нѣчто страшное, закричалъ: сатана послалъ на насъ одного изъ своихъ аггеловъ, да возвѣститъ намъ послѣднюю мину-

шу.... Всѣ прочіе перерываютъ его громкимъ смѣхомъ; восклицая: медвѣдь! медвѣдь! и въ самомъ дѣлѣ, причиною ихъ обрыва съ горы былъ застрѣленный сторожевымъ Татариномъ медвѣдь. Но побѣжденный увлекъ съ собою и побѣдителя, переломивъ ему руку.

Заключеніе.

На базарѣ, близъ темнаго ряду (гостинаго двора), сидѣли двѣ торговки. Одна изъ нихъ среднихъ лѣтъ — за яблоками; другая старушка за квасомъ.

Первая торговка. А что, бабушка! теперь не доскажешь ли про того незнакомаго, что женился на Машѣ-то?

Вторая торговка. Изволь, дитятко! доскажу. — Молодица подвинула къ ней свою скамеечку, и старушка продолжала такимъ образомъ: — старикъ-ашъ было и упрямился, одначе Марковна переси-

лила, (больно слышь раззарилась на богатиство-то) да и Машѣ-то онъ пришолъ по-сердцу. Экимъ-то побытомъ ихъ и повѣнчали. Отецъ съ матерью ладились-было пиръ пировать; а молодой поперечилъ; какъ заладилъ: *пора, да пора въ дорогу*, — такъ никто и совладѣть не могъ. Они уѣхали, какъ въ воду канули.

Долго объ нихъ ни слуху ни духу не было, а на канунѣ Александрова дня, вдругъ явилась она — какъ снѣгъ на голову.

Перв. Это Маша-то?

Вторая. Вѣстимо, что Маша; да только ужъ не по-добру не по-здорову: безъ фашы, въ одной худенькой шѣлогрѣйкѣ, босикомъ и тощая какъ смерть. Тутъ-то у стариковъ было вышья-то: у нихъ стоялъ на фашерѣ некрушъ-Ташаринъ и тотъ слышь-ты прослезился. — Ее стали спрашивать о томъ, о семъ; а у нее только и словъ, что *ножъ, да лѣсъ, да кровь*....

Перв. Эка слышь притча! — Ну, а про мужа-то ея рàзи ничего не провѣдали?

Втор. То-то и бѣда, что провѣдали. Пешька десятникъ — видишь-ты проболтался, что изъ Сенгилея привезли проихъ душегубцевъ; а съ ними-де и Олёшку-што Кистеня.

Перв. Да вѣдь это разбойничей атаманъ.

Втор. Онъ-то слышь и женился на Машѣ-то.

Перв. Ахъ, Машь Пресвятая Богородица!

Втор. Впрямь шакъ. Ну, а остальное-то, я чай, ты и сама знаешь? Маша-то вѣдь....

Перв. (перебивая). Знаю, знаю. Объ родительской я носила блины на могилу [8], шакъ видѣла какъ ее бѣдную и отпѣвали-то.

Втор. А вѣдь и Марковна-то горемыка послѣ нее только два дни промаячила — Царство ей небесное!

Первая. Легко-ли дѣло?

Втор. То-то же дитятко! — а вся бѣда отъ того, что поторопились, — что *не спрося броду, сунулись въ воду;* — ну, а вѣдь не даромъ идетъ пословица-то: *свадьба скорая, что вода полая....*

Примѣч. Всѣ вышеприведенныя пѣсни написаны мною безъ соображенія съ пѣсенниками; а точно такъ, какъ пѣли ихъ въ сказанное время, въ описанномъ мною мѣстѣ.

Пояснения:

(1) Монастырка значитъ — монахиня.

(2) Послѣднее слово каждаго стиха поютъ четыре раза.

(3) Послѣднее слово каждаго стиха повторяютъ. —

(4) Каждой стихъ поютъ дважды.

(5) Виноградный сокъ.

(6) Уѣздный городъ Симбирской губерніи.

(7) Широкіе кожаные мѣшки, надѣвавшіеся на ноги сверхъ лаптей.

(8) Въ родительскую субботу простой народъ ходитъ на могилы своихъ родственниковъ съ блинами, для поминовенія усопшихъ. —

II.

ФОКА (*).

Взошло красное солнышко, и робкія тѣни быстро попряшавшись за возвышенія, длинными полосами испестрили вселенную. Крестьянинъ Фока былъ уже въ полу-верстѣ ошъ своей деревушки, имѣя за плечами большую корзину грибовъ, которые несъ въ городъ для продажи. Хотя *своя ноша не тяжела*, однако жъ Фока съ трудомъ подымался на гору; наконецъ онъ вскарабкался, и первый предметъ, попавшійся ему на глаза, была городская колокольня. Фока скинулъ шляпу, трижды перекрестился

(*) Сія статья, равно и нижеслѣдующая, подъ заглавіемъ: Князь N..., были напечатаны въ Альманахѣ — *Полевые цвѣты*, на 1828-й годъ.

и пошелъ далѣе. Проходя берегомъ рѣки, онъ увидѣлъ въ ней множество рыбы — такой крупной, и такъ близко плавающей, что не произвольно остановился на томъ мѣстѣ и съ умиленіемъ смотрѣлъ на рѣзвыя движенія водныхъ обитателей. Мелькающее серебро и золото чешуи и пурпуровыя перышки обворожили любопытнаго.... Между тѣмъ онъ вспомнилъ правило, которое часто слыхалъ изъ устъ прикащика Загребаева, — что *не должно упускать къ честнымъ дѣламъ случая*, — и для того собравъ всѣ силы, опрометью бросился въ дорогу и скоро очутился на городскомъ базарѣ. Тутъ онъ зашелъ въ лавку, купилъ удочку, и не мѣшкая, отправился въ обратной путь. За-городомъ накопалъ червей, и пришедши къ вышепомянутому берегу, спустилъ съ плечь пошу, поставилъ ее передъ собою, сѣлъ на песокъ и началъ удить рыбу.... — Ему бы, скажутъ нѣкоторые, — прежде продать грибы и

потомъ уже.... У всякаго свой умъ; къ тому жъ Фока въ подобныхъ случаяхъ поступалъ по пословицѣ: *куй желѣзо, пока горячо*.... Долго сидѣлъ онъ надъ водою, долго испытывалъ свое терпѣніе, устремивъ на поплавокъ неподвижные взоры.... Наконецъ *клюнуло* — и онъ мгновенно извлекаетъ изъ воды предлинную.... Виноватъ! я забылъ сказать, что Фока весь хлѣбъ, взятый имъ для собственнаго продовольствія, искрошилъ въ воду, для приманки рыбы. Теперь обращаюсь къ продолженію были. Когда Фока замѣтилъ, что клюнуло, то въ мгновеніе ока выдергиваетъ изъ воды предлинную лѣсу съ пустымъ крючкомъ. Между тѣмъ солнце спустилось за гору. Дневной жаръ смѣнился прохладнымъ вечеромъ. Вѣтерокъ наморщилъ поверхность воды. — Фока переставъ удить рыбу, сидѣлъ повѣся голову. На лицѣ его рѣзкими чертами изображалось....— Еще одинъ разъ виноватъ! забылъ упо-

мянуть, что бѣдный рыболовъ, въ то время, какъ извлекалъ изъ воды удочку, нечаянно уперся ногою въ свою корзину и опрокинулъ ее въ воду.... Что жъ изображалось на лицѣ Фоки? — Если вѣрить тремъ путешественникамъ, проходившимъ мимо безталаннаго, то по мнѣнію одного изъ нихъ, Фока походилъ на жаднаго скупца, у котораго злой человѣкъ похитилъ первую и послѣднюю тысячу рублевиковъ; — вторый говорилъ, что Фока въ сію минуту могъ служить вѣрнымъ изображеніемъ глупости; а третій утверждалъ, — что это человѣкъ, умирающій отъ жажды и голода.... Вотъ что называется — *съ одной биржи, да не одинъ вѣсти!* — Я не знаю, кто изъ нихъ говорилъ правду. Мнѣ до того нѣтъ и дѣла. Я не люблю хладнокровно разсматривать физіономію несчастливца и выводить изъ того свои заключенія. Я человѣкъ чувствительный. Мнѣ жаль бѣднаго Фоку, и въ предостереженіе Фокъ

цѣлаго свѣта отъ подобныхъ неудачъ, могущихъ случишься съ ними въ послѣдствіи, я услужу имъ важнымъ правиломъ: *За двумя зайцами погонишся, ни одного не поймаешь.*

III.

ИЗВОЩИКЪ.

Вечеръ. Крестьянинъ Кузьма, сидя въ избѣ на лавкѣ, цинуетъ лыки (*). Жена его Василиса прядетъ ленъ.

Василиса. Нѣтъ, хозяинъ, помяни шы мое слово: Лексѣй не пойдетъ къ Горюшѣ; онъ и спитъ и видитъ — въ извощики.

Кузьма. Што тутъ о пустякахъ калякать-то; — я и слышать этова не хочу. Хошь бы онъ и чужой былъ, да въ моей волѣ, то и шогда ни за што не отпустилъ бы....

Алексѣй. (Входя въ избу и отряхиваясь.) Ну ужь погода! свѣту Божьяго

(*) Цинковать, или чинить лыки значитъ дѣлать ихъ на подобіе узенькихъ рѣшетъ. —

не видно: дождь какъ изъ ведра; вѣтеръ съ ногъ ломитъ!....

Куз. А чай вишь задѣлья-то, задѣлья-то! не бось подъ сараемъ въ козны?....

Алексѣй. Нѣтъ, родимой, не въ козны; а я былъ у Ѳедьки извощика. Все толковали съ нимъ про Питеръ. —

Куз. Ой мнѣ энтотъ Ѳедька! осѣтилъ, какъ осѣтилъ малова. Да не здоровать ему: ономясь староста промолвился, што ему не миновать.... Ну, да то не наше дѣло. — А тебѣ мой заказъ — не водиться съ энтимъ пройдохою. Да смотри жъ, не моги ослушаться! а не то....

Алек. Не грѣши, родимой: Ѳедька парень на диво! — Какъ пораскажетъ про свое житьё бытьё, — такъ што твоя сказка! а какъ пустился по Нѣмецкому-то,— такъ и пономарь въ пень сталъ! — *и сякутаръ-то, и липартаминъ-атъ, и спядица-то, и миратейсва-то, и пришпехъ-атъ, и....* Да гдѣ мнѣ все запомнить! Нѣтъ, родимой,

ужь ты не тронь меня: дай немножко понаторѣть, штобъ опосля и самому....

Куз. Штобъ опосля и самому попасть подъ красную шапку? Ладно, братъ! Ладно! — Да добро, ушро вечера мудренѣе; а теперь молитесь-ка Богу, да давайше ужинать.

Вас. Што ты Сидорычь? вишь я ища початка не допряла; а ты бы лучше побаплъ съ нимъ про докуку-што нашей безсчастной родѐньки.

Куз. Да-бишь! вишь и изъ ума-то вонъ. Такъ-инъ слушай жа: Свашья Митривна, вотъ лишь вышла. Она проситъ и молитъ, штобы я отпустилъ тебя къ ней хошь до Миколы; а коли къ тымъ порамъ большаки ея не вернутся съ Москвы изъ извозу, такъ до Свяшокъ. У нее, ты знашь, малъ-мала меньше; а Силычъ-ашъ ея съ утренними пѣтухами Богу душу отдалъ — Царство ему небесное! такъ завтра чѣмъ свѣтъ, ступай со

Христомъ къ Горюшѣ, да справляй всѣ работы, какъ надо.

Алек. Што ты это родимой? я чаялъ, што ты пустишь меня на промыселъ.

Куз. Пущу, али не пущу, — про то не тебѣ вѣдать; а теперь дѣлай што наказываютъ: завтре съ свѣтомъ къ Горюшѣ, да и ни слова!

Алек. Да рази я Сенька дуракъ, — што ты надо мной насмѣхаешся, да надругаешся? али-мѣ хочница, што бы я ослушался? .... А на што я пѣганку-то выхолилъ? а на што справилъ санки-то? а на што свилъ ременницу-то? вить про то вся деревня вѣдаетъ. Вить мнѣ нигдѣ проходу не будетъ: задразнютъ, засмѣютъ. ... Да што тутъ баить-то: лучше въ петлю, чѣмъ къ Горюшѣ.

Вас. (Оставя работу и всплеснувъ руками). Ахъ, Матъ Пресвята Богородица!

Куз. Смотри-тко ты пожалуй! Экія онъ дѣла затѣялъ! — Ахъ ты непотребной! да какъ ты осмѣлился? ряхнулся

што ли ты?.... А всё Ѳедька!.... Да вотъ ужо я тебя! — Одначе сперва попробую словами; а тамъ ужъ и ременницей, да такъ, што небо съ овчинку покажется!.... Слушай же; да слушай какъ попа въ церькви! (По нѣкоторомъ молчаніи). Ты, я чай, плохо знашь, а можетъ статься и во все не вѣдаешъ, какъ жили старики наши, да и какъ я жить началъ. Дѣдъ твой — царство ему небесное! былъ мужикъ благочесливой, умной, да и богатой: домъ сторублевой; хлѣба — то и знай, што вози въ городъ на базаръ; скота вволю, какъ у инова барина; а насъ, всё братьевъ, было восьмеро. Какъ бывало пойдемъ отъ обѣдни — такъ почти всѣ мужики завидуютъ; а бабы съ дѣвками не нарадуются: рубахи красныя Ликсандрійскія; кафтаны синіе, коты съ вычурами важные; шляпы поярковыя съ бархотками — ну загляденье да и только! А ино пріѣдетъ Исправникъ, али Засѣдатель, такъ ни у ково окромя

насъ не остановится. — То-то было житье!.... Да знашь за грѣхи Господь на насъ прогнѣвался: лѣтъ съ двадцать назадъ, лишь только крестьяне убрали хлѣбъ съ полей, въ одну ночь, гораздо до разсвѣта, загорѣлся и сгорѣлъ нашъ домъ со всѣмъ скотомъ, со всѣмъ имуществомъ; шестеро моихъ братьевъ спали на полатяхъ и ни одинъ не успѣлъ выбѣжать; а я, да меньшой братъ, насилу могли роднова-то вытащить.... (сквозь слёзы.) што-то былъ день! Ужь впрямь чорный день!.... Мы такъ одурѣли, што не могли ни плакать, ни кручиниться. Одначе надо было ума приложить — куда приклонить побѣдную голову. Время-то было осеннее, слякотное, да и зима ужъ на носу висѣла; а намъ и пріютница-то негдѣ. Ну слышь такое невзгодье: што и у сусѣдовъ-то на ту пору мѣста ни на синь порохъ не было; а не то,—штобы принять насъ безсчастныхъ. — Мы было въ баню; анъ тамъ и

темно и тѣсно (*), да и не сподручно. Одначе покамѣстъ опамятовались, съ сутки промаячили въ банѣ, а шамъ, бабъ-то (тетку твою да мать,) съ старикомъ тутъ оставили; а брашъ да я, запалимши по пучку лучины, въ овинъ пошли. Пришотчи разложили огонь, да перекстясь и спать легли. Вдругъ скрозь просонки послышался мнѣ шумъ да гамъ — а энто было — дай Богъ память — передъ полночью, вѣрно передъ полночью. Я накинулъ на себя зипунишка, выскочилъ, — да чуть и опять не свалился въ подъовинницу.... На нашемъ-то гумнѣ былъ пожаръ, да вишь какой же! — полымя-то словно языками подлизывало осапную нашу надёжиньку.... Я хотѣлъ было брату вѣсть подать; анъ не тутъ-то было: и ноги подкосились, и языкъ

(*) Въ деревняхъ бани строятся маленькія, съ однимъ окошечкомъ, которое не болѣе трехъ четвертей въ окружности, да и въ томъ стекла не вставляютъ, а затыкаютъ тряпкою. —

опшялся — спою какъ обмарокъ. (Алексѣй заливается слезами). Вотъ що-що же.... Одначе не мѣшай. Мы въ конецъ разорились. Ступай хоть по подоконью! Теперь неча съ тобою рѣчь вести про печаль нашу, про наше горе великое; а лучше про то, какъ я съ братомъ промышлять началъ. — Сперва мы сломали въ банѣ полокъ и каменку; сдѣлали избную печь, да шутъ всѣ и пріюшились.

Дай-то Богъ добро здоровье старостѣ! велика ево милость! Даромъ што былъ молодъ и первый годъ въ начальникахъ; а разсудилъ такъ, што и старики ахнули, а весь крещеный міръ порадовался. Онъ велѣлъ надѣлить насъ хлѣбомъ изъ обчава ссыпнова анбара; а послѣ сдѣлалъ съ крестьянъ складку, кашца-што, по три алтына съ души — да и выдалъ намъ рублевъ десятка съ полтята на справу.

Мы купили срубъ, да двѣ лошадёнки. Хотѣли было строить избу; да старикъ присудилъ по другому: пѣтъ, дѣтки, ска-

залъ онъ намъ, коль ужъ Богъ опредѣлилъ, шакъ я съ бабами-шо покамѣсшь поживу здѣсь; а вы по первой порошѣ сшупайше-шко извозничашь; а вось Христосъ и поможешъ. — Мы не поперечили. Выпала первая пороша и я пуспился въ Москву, а брашъ въ Пишеръ. Меня Богъ поберегъ: я шаки зашибъ копѣйку; да къ зборному и домой вернулся; а меньшакъ-ашъ — не шѣмъ будь помянушъ — свихнулся; да шакъ свихнулся, што и пособишь-шо было нечемъ. —

Теперь надо-ше сказашь, какъ онъ шамъ обрѣшался-шо. Хошь съ шыхъ поръ, какъ съ нимъ проспился, я и не видалъ ево; да вишь слухомъ земля полнишся....

Онъ видишъ-шы пріѣхамши-шо, опознался съ людьми недобрыми — словно какъ швой Ѳедька — да и давай чершишь не въ свою голову.... Охъ шы родимое мое дѣшище! коли бы я не боялся, што не сдобровашь и шебѣ.... Оборони Машь Пресвяша Богородица! Коли бы я не лю-

билъ шебя, шакъ хшо бы шебѣ поперечилъ? Охъ шы ненаглядной мой Лексѣюшка! вино да харчевни не доведушъ къ добру. Даромъ што дядя-шо швой былъ какъ красная дѣвушка; а они ево шàки съѣли да сгубили проклятыя; — прости Господи, грѣха много! А ушь коли извощикъ пьянъ, шакъ не жди добра: сѣдоковъ не много, да и шѣ обманушъ: либо заплошятъ мало, али и вовсе ничего. Вошъ я и въ ротъ не бралъ хмѣльновашо; да и шушъ въ иной день, ужь и привыкши-шо, ничево не добудешь. Выѣдишь рано, ходоковъ много—глаза шакъ и разбѣгаюшся; а сѣдоковъ нѣшъ какъ нѣшъ. Коли хшо идетъ скоро, да оглядываешся, шакъ ужь вѣрно кликнетъ. Ево и догоняешь помаленьку.... Посмошришь, анъ шакъ и есшь: *Извощикъ!* — Далеко ли? — *Въ Охотной.* — Только гривенничекъ. — *Пятнадцать копѣекъ.* — Мало боярыня; (а вѣдь и впрямъ боярыня: въ лисѣ да въ шолковомъ). Буде угодно, шакъ прид-

цать. — *Шестнадцать хошь?* Смотри-тко ты шестнадцать! ты сбавляй по гривнѣ, а тебѣ прибавляютъ по копѣйкѣ. Одначе правду сказать: энтова окромѣ барынь да купцовъ, ни ошъ ково не услышишь. — За то другова и барина-то повезешь безъ ряды — думаешь зашибешь полтинничекъ, — а онъ велитъ остановиться у проходныхъ хоромъ, да и пройдетъ на скрозь — вотъ тебѣ и пожива. Оно льзя-слышь и на вѣрняка добывать деньги; да только не всякой на то пустится. А дядя-то твой и энтимъ не побрезговалъ; да какѣ не побрезговалъ, ему ища и полюбилось.... Вотъ теперь-то слушай!

Однажды, видишь ты, порядила его какая-то боярыня. Онъ былъ подъ хмѣлькомъ; а на дворѣ-то гораздо смеркнулось. Ѣдутъ они пустыремъ; ни встрѣшныхъ, ни попутчиковъ не попадается. — Дядѣ-то твоему и приди въ голову непутное.... Онъ обернулся къ барынѣ, со-

рвалъ съ нее платокъ, а самоё-то въ сугробъ столкнулъ, да ударимши по гнѣдому — и былъ таковъ! А то еще вёзъ онъ какова-то мужичка и въ опаркахъ, и въ худой гунишкѣ и не взрачнаго собою-то. Они выѣхали почти за городъ. Остановились у домишка, которой былъ на отшибѣ. Сѣдокъ слѣзъ, вынулъ изъ-за пазухи боярскую мошонку, шелковую, да ища и съ золотыми вычурами. Дядя-то глядитъ, да дивуется. А какъ тотъ высыпалъ изъ нее на ладонь деньги-то, такъ почти всё.... Какъ бишь ихъ называютъ? дайка Богъ память! — да, да, да! *матеріялы*; такъ, матеріялы. — Они слышь ты тоненькіе — что плёночка, а тяжелы какъ свинецъ; желты — что купавка, а въ десятеро дороже серебра. — Дядю-то и подтолкни лукавой.... Сѣдокъ ощаримши мошонку, досталъ оттуда гривенникъ, а матеріалы-то высыпалъ назадъ, да тою же рукою, въ которой держалъ казну-то, подалъ дядѣ и гривенникъ; а

энтошъ ни съ другаго слова, хвашь за мошну, дернулъ ее изо всей мочи, ударилъ по лошади, да и пустился скакать. — Только вотъ што диковина: мужикъ-ашъ-слышь и не погнался и не закричалъ.... Знашь и ему казна-то досталась не дорого. —

Долго сходилъ съ рукъ дядѣ энтотъ промыселъ. Одначе пришла пора — Богъ покаралъ. — Да оно — вѣшь и всегда такъ: всё до поры до время. Въ одну ночь онъ — прости Господи! — обдиралъ слышь-ты какова-то пьянаго; анъ откуда ни возмись драгунъ, да и цапъ дядю-то за ворошъ; а тамъ въ бутку; а тамъ въ Полицу; а тамъ.... Да нѣтъ, сперва надошѣ сказать, што въ Полицѣ его допрашивали, пытали, уговаривали; а у ёво только и словъ, што — *знать не знаю, вѣдать не вѣдаю, по напрасну погибаю.* — Да нѣтъ! не отвертѣлся: ево присудили въ салдаты.

Вотъ видишь ли какія дѣла вершатся на вольномъ свѣтѣ; а всево-то больше

эти дѣла бываютъ въ городѣ. — Такъ самъ суди: не больно ли мнѣ отпустить тебя! — Ну што, какъ и ты.... Да добро, слушай-ка конецъ-ашъ. Дядю — твоего угнали въ какой-то *Пушкатерской* полкъ. Сперва-то онъ было и взялся — на свою братью глядючи — да не на долго. Прожимши всѣ денжонки-то, онъ и опять принялся за прежній промыселъ: то унесетъ съ фатеры хозяйскую курицу, то мотокъ нитокъ, то трубку новины. Однажды ево и подмѣтили; а подмѣтимши-то, поколотили палочьемъ, да такъ, што съ недѣлю пролежалъ въ *назаретѣ*. Одначе не пронялся и этимъ. Надо-тѣ сказать короче: онъ хотѣлъ у одново мужичка унести изъ клѣти деньги, а тотъ ево и засталъ. Дядя-то было бѣжать; а тотъ загородилъ дорогу. Воръ-ашъ — прости Господи! — и пустись на пропалую: выхватилъ изъ-за сапога ножикъ, да и потеряй мужика-то; а самъ въ лѣсъ.

Чрезъ годъ ево признали въ харчевнѣ пьянова, схвашили, да и руки назадъ; а шамъ съ понятыми и къ Камандеру отправили; а тотъ велѣлъ разсудить. Судили, судили, да опосля и загоняли скрозь строй до смерши.

Алексѣй сидѣлъ повѣся голову, блѣдный какъ мертвецъ. Василиса утирала рукавомъ слезы. Кузьма всталъ съ лавки, умылъ руки и сталъ молиться Богу. Василиса собрала на столъ и всѣ молча сѣли ужинать.

На другой денѣ Алексѣй всталъ не такъ рано, какъ отецъ приказывалъ, одѣвался нехотя.... Вдругъ что-то зашумѣло на улицѣ. Алексѣй выглянулъ въ окно и что же онъ шамъ увидѣлъ? задушевнаго его друга, Ѳедьку извощика везли скованаго въ городъ въ рекруты. Алексѣй подозвалъ къ окну сосѣда, и когда узналъ отъ него о вышесказанномъ, то опромѣтью бросился на дворъ, нашелъ шамъ отца своего и упалъ къ нему въ ноги.—

Виноватъ, родимой! — сказалъ онъ старику — самъ вижу, что въ городѣ жить опасно. Теперь же побѣгу къ Горюшѣ.

Куз. А што рàзи ты слышалъ про Ѳедьку-то?

Алек. Видѣлъ, родимой, видѣлъ!

Куз. Вотъ то-то же! — Своя воля не доведетъ къ добру. Ѳедька-то хоть и рѣчистъ; да слышь на руку не чистъ, а научился-то этому, какъ и твой дядя, въ городѣ. Ну, а ужъ *какъ повадится кувшинъ по воду ходить, такъ тамъ ему и голову сломить.* — Ступай-ко, добро со Христомъ, ступай! такъ опосля и самому слюбишся. — Меня-то ты не ослушаешся, Горюшѣ-то услужишь, такъ и Богу-то будетъ любо. —

IV.

НЕ РУКА КРЕСТЬЯНСКОМУ СЫНУ КАЛАЧЬ ѢСТЬ.

Въ углу, на лавкѣ, у крестьянъ,
Перчатки позабылъ проѣзжій горожанинъ.
Ему хоть не большой, однако же изъянъ, —
За то въ двухъ барышахъ Иванъ
Крестьянинъ;
Одинъ извѣстенъ намъ: — перчатки щегольскія —
А гдѣ другой? — въ умѣ....

Иванъ, собираясь ѣхать на барщину — въ лѣсъ за дровами (это было зимою), увидѣлъ тѣ перчатки, взялъ ихъ и разсматривая не малое время, нашелъ вдесятеро тоньше и красивѣе своихъ запачканыхъ рукавицъ — съ толстыми шерстяными варягами. — Ему пришло на умъ (чтобъ удивить своихъ товарищей), отправиться на барщину въ той обновкѣ. Какъ положено, такъ и сдѣлано. —

Онъ поѣхалъ..... Но лошадь его часто останавливалась, или сворачивала въ сторону. — А за чѣмъ онъ не погонялъ и не правилъ, — спросятъ нѣкоторые. — Скоты не понимаютъ словъ; а руки Иванъ держалъ въ пазухѣ; — я думаю для того, чтобы товарищи его прежде времени не увидѣли перчатокъ. Подъѣзжая къ мѣсту, Иванъ заранѣе уже представлялъ себѣ, какъ мужики станутъ завидовать, увидя на немъ столь красивыя вещи; какъ станутъ ахать, онъ удивленія и проч. — Но увы! крестьяне столько были заняты своимъ дѣломъ, что не замѣтили, какъ Иванъ и пріѣхалъ. — Еще увидятъ! — подумалъ нашъ щеголь и принялся за работу; но при самомъ началѣ оной, изорвалъ свою обновку въ лоскутья и ознобилъ себѣ руки; а отъ того не будучи въ состояніи вырубить своего участка дровъ, всею барщиною былъ осмѣянъ, а бурмистромъ деревни наказанъ. — Вотъ и другой барынь;

хотя непріятный въ настоящемъ, но за то въ послѣдствіи принесшій глупцу важную пользу. Онъ отъ сего урока сталъ разсудительнѣе: научился предпочитать пріятному полезное и смиренію, запрещающему возбуждать въ другихъ чувство зависти.

Постъ-скриптумъ. Я намѣренъ былъ продолжать и кончить такъ, какъ началъ — т. е. стихами; но не сдѣлалъ сего потому, что одинъ мой пріятель, долго и многому учившійся, замѣтилъ мнѣ, что сказка никуда не годится. — Какъ съ нимъ не согласиться! — Онъ долго и многому учился; притомъ же человѣкъ *извѣстный*..... Да, его почти весь городъ знаетъ: онъ хотя не богатъ, но одѣвается по послѣдней модѣ и на всѣхъ гуляньяхъ показывается верхомъ, на прекрасной лошади, которую беретъ *на прокатъ*. Короче сказать: это тотъ

франтъ, который перваго Маія задавилъ пѣшехода и имѣлъ несчастіе упасть съ борзаго коня въ лужу. —

V.

КНЯЗЬ N....

У насъ просторно! изба теплая; щи важные съ говядиной; есть знатная баранина: милости просимъ! овса и сѣна въ волю; колодецъ на дворѣ; милости просимъ къ намъ! — Такъ приглашали добрые крестьяне на ночлегъ проѣзжихъ. — А далеко ли до Мурома? спросилъ Капитанъ Волгинъ. —

Крестьянинъ. Далеко, кормилецъ! больно далеко! верстъ десятка съ полтретья считаемъ.

Капитанъ. (Кучеру.) Поѣзжай въ ворота. — Кучеръ въѣхалъ на узкой дворъ и остановился у подъѣзда, или лучше сказать — у чурбана, которой служилъ ступенькою въ курную избу.

Князь N. Перестань, милый Волгинъ! мы непремѣнно должны быть сегодня въ Муромѣ.

Кап. Далеко, милый Князь! далеко! — а лошади и такъ уже устали.

Кн. Что за вздоръ! развѣ двадцать съ небольшимъ верстъ составятъ цѣлъ для бѣшеныхъ?

Кап. Усталымъ, хотя и бѣшенымъ и версты счетъ составитъ; а особливо при тяжести нашихъ экипажей и сверхъ того по дурной дорогѣ.

Кн. Вѣчныя сказки и вѣчно хочетъ поставить на своемъ! — сдѣлаю же и я по своему: уѣду одинъ.

Кап. Счастливый путь Вашему Сіятельству; такъ прощается съ Вами мое сердце. *Тише ѣдешь далѣ будешь;* это спасительное наставленіе говоритъ вамъ мой разсудокъ.

Кн. О, такъ ѣду! — Я вѣдь знаю, что сердце ты купилъ за большія деньги, а разсудокъ получилъ въ придачу.

Кап. Перестань шутить и останься.—

Кн. Перестань же и ты, мой милый, дурачиться; какъ можно ночевать въ такой лачугѣ, при томъ видишь ли, мой другъ, что здѣсь тѣсно и для однихъ саней; а моимъ не на улицѣ же оставаться.

Хозяинъ. Экъ о чемъ хлопотать изволитъ! — Не бось, батюшка, у насъ мѣсто будетъ, и твои поставимъ, а на прибавку войдетъ и еще съ полдесятка. —

Кн. Да не ужь ли здѣсь нѣтъ трактира?

Хоз. И — кормилецъ! хошь бы и вѣкъ его не бывало. — Кабакъ, буде угодно, есть; — вамъ винца што-ли? Такъ я разомъ пошлю Дороньку верхомъ; всего-то версты съ полторы отсюда; — духомъ слетаетъ! Эй Доронька! скажи снохѣ, што бы тѣлку-то изъ избы во мшенникъ вынесла. Ихная-то милость не....

Кн. Фи! какая гадость! — Прощай Волгинъ! — и съ словомъ симъ пошелъ за ворота, чтобы сѣсть въ свои сани.

Кап. (Въ слѣдъ Князю.) Съ Богомъ! съ Богомъ!

Колокольчикъ зазвенѣлъ и Князь N. скрылся изъ виду.

Капитанъ вошелъ въ избу; велѣлъ сварить яицъ, а пока ихъ готовили, слуга послалъ постелю. Капитанъ поужиналъ, раздѣлся, легъ и уснулъ преспокойно. — Читатель! желаю и тебѣ — того же.

Пошелъ! пошелъ! — закричалъ Князь N. лежа въ саняхъ, закутанный въ медвѣжью шубу. Пошелъ! — Сани стояли на одномъ мѣстѣ. — Фирсъ! сядь на козлы и погоняй лошадей. — Сани ни съ мѣста. — Князь выпустилъ изъ рукъ давно простывшую трубку, открылъ коверъ, подъ которымъ спалъ, не предчувствуя никакого несчастія, и едва высунулъ голову изъ подъ теплаго покрова, какъ вспотѣвшее лице его, мгновенно оледенилось отъ холода.

Сильный вѣтеръ, при тридцати-градусномъ морозѣ, бушевалъ по широкому раздолью и громоздилъ сугробы на сугробы. Тройка вороныхъ лошадей стояла по груди въ снѣгу. Кучера и слуги не было при мѣстахъ своихъ.

Князь N. былъ изнѣженный молодой человѣкъ, и слѣдовательно неспособный переносить такой жестокой непогоды. — Онъ надвинулъ почти на глаза теплый картузъ, приподнялся въ саняхъ и сталъ кликать изо всей силы то кучера, то слугу своего Фирса. — Вѣтеръ далеко разносилъ громкій голосъ его; но отвѣта на оный не было. — Что дѣлать въ толь критическомъ положеніи? Выдти изъ саней, — значило подвергнуть жизнь очевидной опасности; сидѣть закутанному въ шубу, безъ дѣйствія, казалось ему безчеловѣчно. — Можетъ быть, думалъ онъ, мнѣ удастся спасти отъ смерти своихъ служителей,— и при сей мысли распахнулъ коверъ, вы-

путался изъ огромной шубы, и въ одномъ вашномъ сертукѣ спрыгнулъ съ саней на снѣгъ, или лучше сказать — въ снѣгъ.

Наконецъ вѣтеръ стихнулъ; облака снѣгу не волновались; луна, окруженная звѣздами, ярко освѣщала окрестности. Наступало утро. Великодушный Князь N. стоя по колѣни въ снѣгу, долго смотрѣлъ во всѣ стороны, тщетно призывая людей своихъ.... Между тѣмъ жестокій холодъ оковалъ всѣ члены его и готовъ былъ захватить дыханіе. Что оставалось дѣлать доброму Князю? слугъ своихъ онъ не видѣлъ; пуститься ихъ отыскивать не могъ, хотя и усердно желалъ того; клики его безполезны.... И такъ, дабы самому не быть жертвою безплоднаго великодушія, онъ легъ въ сани, окутался въ медвѣжью шубу, надвинулъ на себя коверъ и погрузился въ нѣкоторый родъ онѣмѣнія.... — Воронъ три раза прокричалъ надъ несчастнымъ; но Князь не могъ слышать зловѣщаго.

Изъ-за дальнихъ холмовъ показывалось красное солнышко. Лучи его, преломлясь въ милліонахъ снѣжинокъ, ярко блестѣли въ глазахъ Капитана Волгина, скачущаго на тройкѣ сѣропѣгихъ по скрипучей дорогѣ. — Стой! стой! — закричалъ онъ кучеру, и сей послѣдній осадилъ ретивыхъ коней. — Капитанъ выскочилъ изъ саней и побѣжалъ съ дороги въ правую сторону. Что это значитъ? спросилъ онъ у людей, стоящихъ въ недоумѣніи надъ покрытыми ковромъ санями. — Да вотъ, батюшко, отвѣчалъ кучеръ, не знаемъ что и дѣлать; не смѣемъ и взглянуть-то.... Капитанъ торопливо открылъ коверъ, распахнулъ шубу и увидя спящаго Князя N. (ибо это былъ онъ), захохоталъ во все горло.— Вставай товарищь! пора пить чай.... Князь проснулся. — Вотъ ихъ разговоръ:

Капитанъ. (важнымъ тономъ.) Ваше Сіятельство рано изволите продовольствовать лошадей подножнымъ кормомъ

Князь. (лежа въ саняхъ). Возможно ли! Волгинъ? Ахъ, другъ мой! я жестоко наказанъ... У меня пропали люди!

Кап. Дурно изволили смотрѣть, или что еще хуже, дурно съ ними обращались.

Кн. (вставъ). Не то, мой милый! (Увидя своихъ.) Какъ и вы здѣсь? но какимъ чудомъ?

Фирсъ. Ужъ точно, сударь, чудомъ. Вотъ изволите видѣть: когда усталые-то наши выбрались за околицу....

Кап. (Перебивая). Ну, тогда поднялась вьюга. — Вы долго тащились на удачу; потомъ сбившись въ сторону, пошли отыскивать дорогу; холодъ и сугробы воспрепятствовали найти ее; вы набрели на стогъ сѣна, и дабы не замерзнуть, закопались въ оное. Метель утихла и вы очутились на мѣстахъ своихъ. — Такъ ли?

Фирсъ. (Въ удивленіи). А вы, сударь, какъ объ этомъ провѣдали?

Кучеръ перекрестился и шепталъ: — *наше мѣсто свято!....*

Кап. Что жъ вы остолбенѣли? спѣшите распрягать лошадей; потомъ высвободимъ изъ снѣга сани; а тамъ.... — Ну, Князь! маршъ съ зимнихъ кварширъ!

Князь вылѣзъ изъ саней. Капитанъ позвалъ своего человѣка, и меньше, нежели чрезъ четверть часа, колокольчики зазвенѣли и Князь съ Капитаномъ ѣхали по дорогѣ къ Мурому. — Капитанъ на тройкѣ, а Князь *парочкою*....

VI.

ТИШКА.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ НА СЛУЖБУ.—ЗАНЯТІЯ.—НАПАСТЬ И РАДОСТЬ.

Въ исходѣ XVIII столѣтія, въ губернскомъ городѣ *.....ѣ, жилъ небогатой чиновникъ — по просту сказать — подъячій. Онъ имѣлъ у себя жену и сына, послѣдняго звали Тихономъ. Старикъ воспитывалъ Тихона по примѣру предковъ своихъ, т. е. поилъ, кормилъ, одѣвалъ (сказалъ бы и обувалъ, но въ то время дѣти небогатыхъ родителей обуви почти не знали; на зиму только покупали имъ валенки копѣекъ въ 12;) и училъ самъ грамотѣ; а все прочее предоставлялъ матушкѣ Природѣ.

Тихону стукнуло пятнадцать лѣтъ. Онъ уже зналъ наизусть часословъ и псалтирь, порядочно переписывалъ сочи-

няемыя отцомъ челобитныя и умѣлъ привести 40 алтынъ въ копѣйки.

Ну, Тишка! сказалъ однажды старикъ сыну своему,—тебѣ пора уже и самому снискивать хлѣбъ насущный; а у меня есть и мѣстечко на примѣтѣ. Молись-ка Богу, да пиши прошеніе. Мальчикъ, хотя не охотно, однако жъ послушался. Прошеніе со словъ старика написано,—на бумагѣ тридцати-копѣечнаго штемпеля. Старуха помочила сынку голову квасомъ и разчесала; потомъ повязала ему на шею гарнитуровый платокъ, который нѣкогда былъ розоваго цвѣта; а потомъ Тишка надѣлъ кенги (это было зимою), подшитые съ низу желтою кожею, тулупъ, крытый мухояромъ, опоясался каламенковымъ кушакомъ и взялъ въ руки теплый малахай. Старикъ надѣлъ синій сертукъ, съ голубыми на локтяхъ заплатами, нашитыми бѣлыми нитками, накинулъ на плеча дѣдовскую медвѣжью шубу, взялъ муфту, трость, плисовую

шапку, съ чернымъ мерлушечьимъ околышемъ и вмѣстѣ съ старухою присѣли на лавку, велѣли присѣсть и сыну; потомъ всѣ встали, помолились Богу и старикъ съ сыномъ отправились въ Казенную Палату; а старуха осталась стряпать щи да кашу.

Смотри же, Тишка, сказалъ старикъ, идучи дорогою, — будь смышленъ, служи хорошенько, да угождай старшимъ: коли что заставятъ — сдѣлай; коли пошлютъ куда — бѣги опрометью; ни какъ не моги ослушаться! послѣ слюбишся и самому.— Они пришли; прошеніе подано; мальчикъ принятъ Копіистомъ и отданъ въ повытье къ старому Взимухину.

Проходитъ день, проходитъ другой; дни скопляются въ недѣли, недѣли въ мѣсяцы, и такимъ образомъ прошло уже лѣтъ шесть; а Тишка всё еще сидитъ на одной скамейкѣ, въ одномъ и томъ же чинѣ, при однихъ и тѣхъ же занятіяхъ.

Да чѣмъ же онъ занимался? спросятъ добрые люди. — Отвѣтствую: когда онъ являлся къ должности, то первое его дѣло состояло въ томъ, чтобы получить отъ Повытчика восемь съ копѣйкою, потомъ взять муравленый кувшинъ — мѣрою въ осмуху и сходить *за лѣкарственнымъ;* потомъ посылали его — съ листомъ бумаги — за солеными огурцами, а иногда за икрой, или здобными сочнями; когда же собирались просители, то засылали его къ недогадливымъ изъ нихъ, для переговоровъ.... съ полномочіемъ принимать всякое даяніе....

Всё это исправлялъ Тишка секретно, и приносимое помѣщалъ за ширмы въ сторожевскій поставецъ. За то и Тишкѣ было тепленько: его всѣ приказные любили, доставляли случаи за безграмотныхъ прикладывать руку къ прошеніямъ; росписываться въ получаемыхъ документахъ и проч. и проч. А всё это пахнуло

алтынами, да пятишниками. Иногда же и сами подъячіе, подъ веселую руку, давали ему на пряники.

Впрочемъ Тишка и стоилъ этого: помня наставленіе своего родителя, онъ всѣ способности свои посвящалъ на услуги старшимъ; почти разучился и писать, исполняя ежеминутныя ихъ порученія. —

Но вотъ Тишкѣ открылся случай и къ отличію: однажды несъ онъ кувшинъ *лѣкарственнаго* и подходя къ высокому крыльцу Палаты (*), встрѣтился съ Вице-Губернаторомъ—человѣкомъ просвѣщеннымъ и строгимъ; мгновенный огонь испуга пробѣжалъ по лицу неосторожнаго на сей разъ Копіиста. Уже грозный начальникъ былъ въ трехъ шагахъ отъ Тишки и казалось хотѣлъ остановить его, — какъ вдругъ счастливая мысль

(*) Это было не въ нынѣшнихъ каменныхъ корпусахъ, а въ старыхъ деревянныхъ, которыхъ теперь и слѣда нѣтъ. —

блеснула въ умѣ несчастнаго: онъ лѣвою рукою снимаетъ съ головы черный, кожаный, тыквообразный картузъ; а правую съ кувшиномъ приподнимаетъ нѣсколько къ верху и кланяется Вице-Губернатору со всего размаха, при чемъ такъ сильно ударилъ о камень кувшинъ свой, что онъ разлетѣлся въ дребезги. Но хитрость сія привела его къ другой задачѣ, не менѣе затруднительной; Вице-Губернаторъ остановился и спросилъ:— кто онъ и что несъ въ кувшинѣ? — Однакожъ и эту напасть молодой подъячій побѣдилъ своимъ благоразуміемъ: я Копіистъ Казенной Палаты, — отвѣчалъ онъ, стараясь казаться спокойнымъ; — за отлучкою сторожа, ходилъ на родникъ за водою и вотъ лишь поравнялся съ Вашимъ Высокородіемъ.... — Довольно, сказалъ съ улыбкою Вице-Губернаторъ и пошелъ далѣе.

Между тѣмъ Взимухинъ, сидя у окна, видѣлъ все произшествіе и слышалъ са-

мый разговоръ своего подчиненнаго съ Вице-Губернаторомъ. Сколько начàло сего казуса переполохало старика, столько конецъ обрадовалъ. Но вотъ входитъ Тишка. Повытчикъ бросается къ нему на шею и торжественно восклицаетъ: Ну, братъ! въ тебѣ путь будетъ! ты далеко пойдешь! а чтобъ сдѣлать этому заголовокъ, то я сей же часъ напишу представленіе.... Съ моей же легкой руки, вотъ тебѣ на водку; да, на водку! теперь ужъ ты не мальчикъ, пора пить и водку. Тутъ сунулъ онъ ему гривну денегъ; а самъ сѣлъ писать записку о производствѣ Тишки въ Подканцеляристы.

Слова Взимухина — какъ электрическій ударъ — потрясли весь составъ будущаго Подканцеляриста. — Онъ стоялъ какъ пень; но въ головѣ его толпились надежды блестящія, мечты отрадныя!.... Онъ уже воображалъ себя повышеннымъ, съ удовольствіемъ представлялъ себѣ возможность *явно* пить

лѣкарственное и, подобно взрослымъ приказнымъ, *открыто* играть въ орлянку и волочиться за женщинами. Но лучше станемъ наблюдать не чувствованія, а самыя дѣйствія счастливца.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Кабакъ.

На еловомъ столѣ стоятъ два штофа съ остатками вина. За столомъ сидятъ трое красноносыхъ подъячихъ, толстый дьячекъ, двое худощавыхъ сапожниковъ и одинъ блѣдный портной. Между ими Тишка. Всѣ вросхмѣль.

Тишка. Ну, ребята! по послѣдней, да и заречемся. (Онъ поднялъ стаканъ вверхъ, за нимъ и всѣ присутствующіе. Онъ поднесъ стаканъ ко рту и вдругъ опрокинулъ его на носъ. Тоже сдѣлали и его товарищи.

Онъ ударилъ себя кулакомъ по лбу, потомъ объ столъ, такъ, что запрыгала стоявшая на немъ помадная банка съ солью.) Вотъ такъ, товарищи!—Теперь пойдемъ къ кирпичнымъ. Тамъ никто не помѣшаетъ.

Сапожникъ. Пойдемъ-ста, залетная пташка, пойдемъ! (Онъ хотѣлъ обнять Тишку; но сей далъ ему толчокъ, отъ котораго онъ едва не свалился на полъ.) Экой чортъ! — бормоталъ сапожникъ сквозь зубы.

Тиш. Не тебѣ подмѣткѣ обниматься съ Губернскимъ Регистраторомъ. —

Орлянка.

За городскимъ валомъ, близъ кирпичныхъ заводовъ, стоятъ кружкомъ человѣкъ съ двенадцать разнаго званія людей. У ногъ каждаго изъ нихъ лежатъ кучки мѣдныхъ денегъ. Тишка высту-

пилъ нѣсколько впередъ, осмотрѣлъ всѣ кучки и громко закричалъ: — *пду!* — Постой! — сказалъ ему молодой красивый купчикъ. — Тишка остановился. Красавчикъ распоясалъ голубой кишайчатой халатъ и обшаря оба кармана въ черномъ плисовомъ камзолѣ, вынулъ цѣлковой и бросилъ его къ ногамъ своимъ, примолвя: за мной двадцать, поѣзжай *въ досталь.* — Между тѣмъ и дьячекъ успѣлъ скинуть съ себя сапогъ, вытряхнуть изъ онаго два Сибирскихъ гривенника (мѣдныхъ) и приставить къ своей кучкѣ. — Совсѣмъ ли? — спросилъ Тишка. — Совсѣмъ, совсѣмъ! отвѣчали играющіе. — Во всѣ! прибавилъ герой нашъ громко и бросилъ пятакъ изо всей силы къ верху; а когда оный упалъ нѣсколько внѣ круга, тогда Тишка торжественно воскликнулъ: — беретъ! и началъ подбирать всѣ кучки, начиная съ тѣхъ, кои были побольше.

Покажи-тко пятишникъ-атъ, сказалъ Тишкѣ толстый дьячокъ, съ явнымъ по-

дозрѣніемъ и поднявъ оный, обернулъ на другую сторону. — *Копьё!* закричалъ онъ какъ бѣшеный, *два копья!* .... И всѣ бросились къ дьячку, посмотрѣть двухъ-орловый пяшакъ; а Тишка между шѣмъ пустился бѣжать, какъ пущенная изъ лука стрѣла. За нимъ бросились въ погоню; но не могли догнать залетнаго.

Открытіе убѣжища любовницы.

Здорово, Яковъ! сказалъ Тишка, входя однажды въ горницу дьячка. — Хочешь миришься?

Миръ-ши! отвѣчалъ полупьяный Дьячекъ и поставилъ на столъ не допитый стаканъ. — Какими это судьбами — занесло къ старцу въ келью залетнаго сокола? Милости просимъ, дорогой гость! милости просимъ! Тишка сѣлъ. Дьячекъ, дополнивъ отпитой стаканъ, подвинулъ

его къ гостю. Я не злопамятенъ — примолвилъ онъ. Ну, а коли бы тогда попался, то можетъ статься я съ горячаго и поразвѣдался бы....

Тишка. Посмотрѣлъ бы я! Ну, да *кто старое помянетъ, тому елазъ вонъ.* А вотъ лучше пособи-ка моему горю, такъ ворошишь и проигрышь.

Дьяч. А какъ бы такъ?

Тиш. Да вотъ какъ: зналъ ли ты Дуньку Красошину, что жила въ Сиротской улицѣ?

Дьяч. Ну какъ мнѣ не знать! я....

Тиш. (Перебивая). Такъ слушай же: мнѣ было еще лѣтъ семнадцать; а ей я чаю и четырнадцати не было, какъ мы спознались съ ней.

Дьяч. Кому ты расказываешь? я....

Тиш. Не перебивай, а слушай! — мы видались съ ней рѣдко, да и то тихомолкомъ.... Она любила меня безпамяти; я её и еще больше. Съ каждымъ годомъ становилась она пригожѣе; а я съ каждымъ

годомъ — какъ тебѣ и вѣдомо — удалѣе.— Подкопецъ она стала пенять мнѣ, выговаривать за мою жизнь разгульную и все любила меня. А съ Покрова дня ужь стала и чуждаться, ужъ рѣдко попадалась мнѣ и на встрѣчу, да и то вмѣстѣ съ машерью. Нынѣ же и совсѣмъ сгибла да пропала безвѣсти....

Дьяч. Да развѣ ты хотѣлъ повѣнчаться?....

Тиш. Въ томъ-то слышь и дѣло. Я чаю мнѣ доведется съ ума сойти, коли не найду ее.

Дьяч. Ужо дай срокъ. Сперва выпьемъка по другому, такъ и дѣло-то лучше на умъ пойдётъ. —

Тиш. Нѣтъ, братъ, не стану. Я не знаю какъ и одинъ-атъ высушилъ; а вѣдь ужъ дни съ два и въ ротъ не бралъ. —

Дьяч. Есть отъ кого съ ума сходить!... Выпей-ка добро, выпей! — такъ я и растолкую тебѣ эту рацею-то.

ЕС|11 1911

Тиш. Не ужь ли брашъ? то-то обрадуешь! для этого изволь, выпью хоть десять.

Дьяч. Помнишь ли ты того аршинника, что игралъ съ нами за валомъ?

Тиш. Какъ не помнить! да ну его къ дьяволу! говори о Дунькѣ-то.

Дьяч. Коли его къ дьяволу, такъ и Дуньку-то туда же.

Тиш. (Вспылчиво). Кутейкинъ! хочешь ли ты, что бы я безъ ножа обрилъ тебѣ голову?

Дьяч. Не пузырься, брашъ! не пузырься; а не то вѣдь лопнешь. (Тишка раздвинулъ уже обѣ жилистыя пятерни, чтобы схватить и удушить церковника; но сей послѣдній спокойно сидѣлъ на своемъ мѣстѣ и хладнокровно продолжалъ). Тотъ купчишка прозывается Пудовкинъ. Онъ о Покровѣ днѣ увидѣлъ Дуньку и она ему приглянулась. Онъ съ нею въ рѣчь вступилъ, да и умаслилъ.... Дунька, послѣ смерти своей

машери, продала домишко и перешла въ Конную. Тамъ почти каждый день бываетъ у нее и Пудовкинъ.... Съ недѣлю назадъ, я самъ былъ съ нимъ у сиротинки и проскоморошничали до заутрени. Коли хошь, шакъ и тебѣ укажу дорогу.

У Тишки волосы стояли дыбомъ; глаза горѣли, какъ у ночнаго волка. Онъ скрежеща зубами, вскочилъ съ лавки и сквозь слезы, но яростно закричалъ: — давай вина! потомъ бросилъ на столъ цѣлковой и упалъ за-мертво опять на лавку.

Не ужели это кликуша? думалъ испуганный дьячекъ. Однако жъ Тишка скоро опомнился и хозяинъ спокойно взялъ цѣлковой и поспѣшно вышелъ изъ горницы; а минушъ чрезъ пять явился — красный какъ ракъ — держа въ рукахъ пивную ендову, до краевъ налитую виномъ. — Вотъ тебѣ и вино, пріятель, пей сколько душѣ угодно!

Тишка машинально схватилъ съ окна большую жестяную кружку, почерпнулъ

изъ ендовы вина и выпивъ всю безъ отдыха, бросилъ на столъ.

Дьяч. Ну молодецъ, братъ! да эдакъ ты меня перегонишь. — Онъ зачерпнулъ самъ съ полкружки и пріема въ два выпилъ до дна, примолвя: вотъ, братъ, любовница-то! ужь никогда не измѣнишъ. А про Дуньку и калякать нечево, вѣдь она дѣвка....

Тиш. Такъ ты знаешь, гдѣ живетъ она? —

Дьяч. Вѣдь я сказалъ ужь.

Тиш. Ну, такъ выпьемъ еще по одной. Мнѣ теперь охота распошѣшиться. (Онъ опять зачерпнулъ кружку, хотѣлъ выпить и не могъ. Подалъ дьячку и тотъ отказался.) — Инъ пойдемъ же.

Они пошли. Дорогою Тишка забѣгалъ въ домъ знакомаго мясника и выходя изъ онаго, что-то длинное пряталъ за пазуху....

Вечеръ.

Между тѣмъ солнце опускалось за гору; косвенные лучи его трепеща, умирали на высокихъ вершинахъ тихаго бора; наконецъ они угасли и легкій сумракъ распростеръ крила свои надъ полвселенной. Въ глубокихъ долинахъ легли темносѣрыя тѣни. — Спокойная *... га въ струяхъ своихъ отразила меланхолическій свѣтъ подруги любовниковъ. Соловей запѣлъ гимнъ вечерній. Наконецъ и ночь, облеченная въ власяницу, звѣздами испещренную, всходитъ на свинцовый престолъ свой. Поверхность земли равняется.... Природа возложила на главу свою вѣнокъ изъ мака....

Заключеніе.

Въ Солдатской улицѣ, на избной завалинѣ, сидѣлъ отставной Капралъ съ шабромъ своимъ мѣщаниномъ. — Не вдалекѣ

отъ нихъ дѣти гоняли кубари и точки; другіе играли въ лапту; третьи въ конъ и въ законъ.

Капралъ. Да не ужьли тутъ никого на ту пору не случилось, что не схвашили душегубца-то?

Мѣщанинъ. Знать никого-сша.

Капр. Жаль бѣдной Дуни; да сама виноваша. Я зналъ и мать-шу ея покойницу. Добрая была старушка — Царство ей небесное! Ну, а какъ же нашли удавленика-то?

Мѣщ. Жена-сша сказывала, что пасшухи увидѣли и повѣспили десятнику; а тотъ и въ Полицію.

Капр. Чтожъ съ нимъ сдѣлали?

Мѣщ. Жена говоритъ, что тѣмъ жесша вечеромъ отвезли въ Стрижовъ оврагъ, гдѣ самоубійцъ зарываютъ.

Капр. Стало быть и Яшку-то Дьячка отвезутъ къ Тишкѣ въ товарищи?

Мѣщ. Вѣстимо-сша: вѣдь и онъ умеръ— прости Господи! скоропостижно, безъ

покаянія. Жена видѣла, какъ его вскрывали и лѣкарь-де сказалъ, что отъ вина... Ну, а вѣдь *какова смерть, таковы и похороны!*

Капр. Да бишь! — я кашца не посылалъ къ вамъ сказать, что мы топили баню?

Мѣщ. Спасибо-ста, спасибо! придемъ (*).

Капр. Такъ-инъ прощай, сосѣдушко! мнѣ ужъ пора.

Мѣщ. Прощенья просимъ-ста, прощайте! (Они встали и разошлись по домамъ.)

(*) Не знаю какъ нынѣ; а тогда было обыкновеніе звать сосѣдей въ баню.

VII.

СТРАШЕНЪ СОНЪ ДА МИЛОСТИВЪ БОГЪ.

Мельница на рѣкѣ Свіагѣ, въ 7 верстахъ отъ села Порѣцкаго, въ которомъ происходитъ дѣйствіе. Мельникъ смотритъ въ окно и поетъ пѣсню:

Мешель мѣшетъ,
Мешель гудитъ!
Знать за одно морозъ и вѣшеръ,
Войной идутъ на человѣка.
Морозъ трещитъ,
А вѣтръ свиститъ!
Такъ, за одно морозъ и вѣшеръ
Войной идутъ на человѣка.
Народъ кряхтитъ,
Народъ пыхтитъ, —
Противу вьюги на походѣ....
Не устоять ему на мѣстѣ!

Ногами топъ,
Руками хлопъ, —
Бѣжитъ народъ, какъ угорѣлой....
Гдѣ устоять ему на мѣстѣ!

Петрушка Злыдневъ. (Входя въ избу). Прощай, дѣдушка! я ужь совсѣмъ.

Мельникъ. Куда это?

Петрушка. Хочу на село.

Мел. Да рази не видишь — какая стужа, какая метелица?

Петр. Ну какъ не видѣть, да ѣхать-то надобно.

Мел. Буде надо, такъ ступай. А какъ не доѣдешь?

Петр. Тогда ужь не моя вина.

Мел. Вотъ што дѣло, што дѣло! Такъ поѣзжай съ Богомъ, а вось онъ и поможетъ.

Петр. (Помолившись на иконы и поклонясь хозяину). Прощай!

Мел. Съ Богомъ! съ Богомъ! (Петруша вышелъ за дверь). Умной парень; да знать крутъ хозяинъ.

Тревога.

Въ глухую полночь сильный стукъ въ ворота и громкой лай собакъ разбудилъ стараго мельника. Онъ поспѣшно слѣзъ съ полатей, велѣлъ вздуть огня, и набросивъ на себя полушубокъ, выбѣжалъ на дворъ.

Мельникъ. Хто стучитъ?

Слабый голосъ за воротами. Укрой отъ темной ночи и обогрѣй.

Мел. (Отодвинувъ запоръ и отворивъ ворота, схватилъ пришельца за руку и ввелъ въ избу). Господи помилуй! да это ты кумъ Савелій? што съ тобою?

Савелій, дрожа всѣмъ тѣломъ, силился распоясать кушакъ, но руки ему измѣняли. Онъ не раздѣвшись и не скинувъ шапки, сѣлъ на лавку и едва внятнымъ голосомъ промолвилъ: теперь слава Богу! што-то съ парнемъ-то?

Мельникъ разбудилъ двухъ работниковъ, велѣлъ имъ скорѣе одѣваться, взять

фонарь и бѣжать по дорогѣ къ селу Порѣцкому.

Сав. (Все еще слабымъ голосомъ). Этова надо. Коли Богъ не спасъ, такъ ужь имъ не пособишь ему.

Мел. (Раздѣвая гостя). Да о комъ шы забопишся?

Сав. (Перекрестясь три раза). Теперь слава Богу! (Мельнику). Здорово, кумъ Семенычь! спасибо тебѣ! а кабы ещо маненько.... такъ бѣда бъ неминучая....

Мел. Да ково шы оставилъ въ полѣ-шо?

Сав. Ахъ, да-бишь! у меня умъ за разумъ зашолъ: пошли-шко на плотину, шамъ моя клячонка. Можешъ спашься и захватишъ. (Работники побѣжали вонъ изъ избы).

Мел. Да хто былъ съ тобою изъ людей-шо?

Сав. Никово.

Мел. Тьфу пропасшь! а какъ всполошилъ! — Я вѣдь чаялъ, што шы съ сыномъ. Про какова же шы поминалъ парня?

Савел. А вотъ послушай-ка: вѣдь ты знаешь Петруньку Злыднева?

Мел. Слыхалъ, а въ лицо не знаю.

Савел. Да онъ мнѣ попался на дорогѣ съ возомъ хлѣба. Рази не ты мололъ ему?

Мел. Бѣлокурой парнишка, лѣтъ пятнадцати?

Савел. Ну, да!

Мел. Ахъ онъ горемыка! ужъ не случилось ли съ нимъ бѣды какой?

Савел. То-то и есть што случилась.— Одначе кумъ, сперва дай-ка мнѣ гусинова сальца. (Мельникъ принесъ плошку съ саломъ и поставилъ на столъ; а Савелій вымазалъ имъ лицо и уши). Ну вотъ, теперь и не разболится; даромъ-што крѣпко прихватило!

Мел. Што же съ Петрунькой-то?

Савел. А вотъ дослушай: я выѣхалъ изъ дому передъ сумерками. На дворѣ было студено и вѣтрено. Дорогу начало заволакивать снѣгомъ. Подъѣхавши къ Волчьему оврагу, я остановилъ клячонку и спу-

стился внизъ осмотрѣть мостишко; гляжу — анъ шагахъ въ пяти отъ меня стоитъ лошадь съ возомъ. Я подошелъ поближе и узнавъ, што возъ-ашъ Петьки Злыднева. Ну-ка я кричашь, ну-ка я кричашь...

Мел. Экой горемыка! я вѣдь говорилъ, што....

Савел. А ты не перебивай ужъ. — Не слыша ни откуда отклика, я заглянулъ подъ мостъ; а Петрунько-то и сидитъ тамъ скорчимшись. Я сперва оторопѣлъ, какъ будто увидалъ въ лицо Кикимору, а послѣ, (знашь Господь надоумилъ), вытащилъ бѣдняка-то на дорогу, да и ну катать по снѣгу. Ужъ у меня промокла отъ поту рубашка, а отъ ёво всё еще ни слуху ни духу нѣтъ. Я попыталася ещё, и—слава Богу! мой парень застоналъ, какъ отъ домовова; а тамъ всталъ на колѣни и сотворилъ молитву. Я ево поднялъ, пошащилъ нога за ногу въ гору, да и опять на низъ свёлъ. Онъ маненько оправился и мы сонча, принялись тянуть возишко.

Жалко мнѣ было оставить свою-то клячонку, а парня-то и больше жаль. Я взялъ ево подъ руку, а лошадь-то подъ усцы, да и пустились къ селу. Не доходя до околицы, мой парень совсѣмъ опамятовался и съ ревомъ упалъ мнѣ въ ноги и сталъ меня просить и молить, штоб-бы я воротился. Вотъ я и послушался....

Мел. Ну, кумъ, нечаялъ же я отъ тебя этова: коли ужъ принялся за доброе дѣло, такъ надо бы и кончить....

Савел. Теперь ужь и самъ каюсь; да пособить не чѣмъ.... Ну, какъ онъ недоѣхамши шарахнется.... Помилуй ёво мать Пресвяша Богородица! а много ли экому мальчишкѣ надобно....

Мел. Да хоть крѣпокъ ли онъ былъ на ногахъ-то?

Савел. То-то и есть, што не пуще крѣпокъ; да и я-то насилу добѣжалъ до своихъ санишекъ; а какъ сѣлъ да поѣхалъ, — такъ вотъ-какъ меня обдало морозомъ-то, што инда рубаха къ тѣлу

примерзать стала. Я опять выскочилъ и ужъ не помню, какъ до тебя добрался.

Мел. Добро, кумъ, выпейка не множко винца съ перечкомъ, да и ступай на полати.

Савел. Што ты это! до вина ли теперь! — хоть пять рублёвъ давай, такъ не стану. — Ну, какъ Петька-то не доѣхалъ?....

Мел. Богъ милостивъ! да што, онъ знать у чужихъ живетъ, что не переждалъ экой стужи?

Савел. Не токмя што у чужихъ, да ища у своево злова во́рога. — Вѣдь какъ-бы не ночь, такъ — прости Богъ! я хоть бы и самъ замерзъ, и ево заморозилъ; — а ни за што не помогъ бы ему добраться и до околицы....

Мел. А што?

Савел. На ёво видишь-ты золъ нашъ прикащикъ: да и всѣмъ намъ крѣпко на́крѣпко запретилъ подавать ему помочь; а не то-де и намъ тоже будетъ, што

всѣмъ Злыдневымъ. — А отецъ-то Пешкинъ, да родной дядя, пошли въ некруты безъ очереди и безъ мірскова приговора; а мать-то отъ нападокъ и въ сыру землю легла; царство ей небесное! —

Мел. Да за што же это?

Савел. А вотъ за то, прости Господи! — за чемъ не пошла къ ёму въ полюбовницы.. ..

Мел. Ну, а вы и слушаете экова душегубца?

Савел. Мало ли есть какихъ людей на вольномъ свѣтѣ!... Вѣдь ты знаешь у насъ Касьяна Занозина?

Мел. Хто не знаетъ это Жидовское отродье.

Савел. Такъ слушай-жа: послѣ Петрушкиной-то матери остался домишко; а сиротѣ-то было лѣтъ съ четырнадцать. Вотъ и покучься онъ нашей просвирнѣ: штобы перешла къ нему для-ради хозяйства; а она, не то изъ корысти, не то изъ жалости и послушалась. Зима-

то въ то время, какъ и нынѣ, была студеная, а хозяинъ-то еще ребенокъ: то-то бѣднякъ намыкался горя, то-то перенесъ кручины! и скотинёнку-то убери, и за хлѣбомъ-то на гумно ступай, и за дровами-то въ лѣсъ ступай; .... долго бился горемыка, какъ рыба объ ледъ, да невынесъ: ево свалила лихоманка, да и била сердешнова недѣль восемь. Правду сказать, кабы Богъ видимо не заступился, такъ и не встаньбы. А черезъ ково ему пришло спасенье-то? Черезъ лиходѣя Занозина. У ёво видишь ты есть дѣвчонка; тогда ей, я чай, лѣтъ и одинадцати не было. — Што же она дѣлала? бывало лишь придутъ сумерки, а она на дворъ, (а дворъ-то ихъ рядомъ съ Злыдневымъ), да потихоньку и просовываетъ къ Петькѣ-то то дровъ по палешку, то сѣнца по клочку; а какъ всѣ спать лягутъ, то унесетъ изъ избы съ полкоровая хлѣба, перелѣзетъ черезъ заборъ къ Злыдневу, подкрадется къ

ихнему окошку, супешъ на него краюху, да и была шакова!.....

Мел. Вошъ оно што, кумъ! вѣдь кажись воровка; а хошь шеперь поставь въ святцы, шакъ первой бы прилѣпилъ свѣчку. Экая, Господь съ ней, умница!....

Савел. Сперва просвирня-то дивовалась эшому, а шамъ ужь и привыкла: лишь бывало утромъ съ печки, да прямо и къ окну; а шамъ за дровами; а шамъ и за сѣномъ.... Вошъ передъ масляной оклемался [1] и Петрунька, и сталъ поманеньку приниматься за домашество. Вошъ ужъ онъ съ башожкомъ [2] въ рукѣ выбрался и на крылечко, а увидамши што на дворѣ-то колъ да перешыка: снѣгу и навозу ворохъ на ворохѣ, лошаденка и коровенка бродяшъ зря [3] по сугробамъ; а къ овечьему-то мшеннику [4] нѣшъ и шропинки — какъ взвоешъ, взвоешъ....

Мел. Стало быть овцы-то всѣ подохли?

Савел. Вѣстимо што подохли: просвирня-то въ суетахъ про нихъ и невспомнила.

Мел. Ну, такъ и есть: гдѣ тонко тамъ и рвется. Можетъ за грѣхи, а можетъ и любя наказалъ Господь....

Савел. Да ты думаешь всё шутъ? Нѣтъ, кумъ! вѣдь бѣда бѣду родитъ: просвирня-то пошла за чѣмъ-то подъ повѣть; (5) а она въ это время, знать отъ тяжелины снѣга, и обломилась, да старуху-то и задавила. Вотъ было хлопотъ парню-то!....

Мел. Ахъ, Господи! да это знать напущено (6)!

Савел. Господь вѣдаетъ. Знаю только, што съ тѣхъ поръ, по милости прикащика, Петрунька-то ужъ вконецъ раззорился. Коровенку продали, да схоронили просвирню; лошаденку взялъ Занозинъ за 12 рублёвъ долгу. Остался горемыка безъ куска хлѣба, безъ теплаго угла; да што бы не умереть отъ голоду

и холоду — пошелъ къ Занозину въ работу. (Мельнику.) Што это, кумъ, ужъ пѣшухи поютъ?

Мел. Экъ ты хватился! ужь подшкось третьи.

Савел. Вотъ какъ мы закалякались! инъ добро — пора и угомонъ взять. (Онъ помолился Богу и полѣзъ на полати, а за нимъ и хозяинъ.)

Комната въ домѣ Священника.

Священникъ сидитъ за столомъ на лавкѣ, передъ нимъ лежитъ раскрытая библія. У стола стоитъ Петръ Злыдневъ. На блѣдномъ и изнуренномъ, но еще красивомъ и добромъ лицѣ его, замѣтны слѣды тяжкаго страданія; положеніе прочихъ частей его тѣла показываетъ холодное ко всему равнодушіе; а сухой, не подвижный взоръ, обнаруживаетъ признаки глубокаго отчаянія.

Священникъ. Да вѣдь-ты не боленъ?

Злыдневъ. Боленъ .... батюшка!

Свящ. Какъ же ты дошелъ сюда?

Злыд. На силу .... дошелъ!

Свящ. Что же болитъ у тебя? (Злыдневъ машинально распоясалъ кушакъ, скинулъ старинькой кафтанишко и оборотился къ Священнику спиною.) Боже мой! Боже мой! — опять прикащикъ....

Злыд. (Надѣвая кафтанъ.) Это только снаружи, а кабы ты заглянулъ туда .... (Онъ положилъ руку на сердце.)

Свящ. (Желая проникнуть намѣреніе Злыднева, принялъ видъ равнодушной.) Но все я не могу тебя исповѣдывать: ты не постился.

Злыд. Я пощусь уже четыре года .... Батюшка.

Свящ. Послушай, сынъ мой: я знаю, что, ты человѣкъ доброй и Занозинъ, по наущенію прикащика, поступаетъ съ тобой не такъ, какъ бы слѣдовало....

Злыд. Гдѣ тебѣ знать!...

Свящ. (Перерывая.) Я бы совѣтовалъ тебѣ отойти отъ Занозина въ свой запущенной домишко и на заработанныя въ четыре года деньжонки, купить лошадку....

Злыд. Эхъ, батюшка, ничево-та ты не вѣдаешь: въ четыре-то года я заработалъ не деньги и не доброе слово, а злую напраслину, за которую меня на мірскомъ сходѣ, словно притоманнаго вора.... (Съ тяжкимъ вздохомъ.) Нѣтъ, батюшка! я задумалъ перейти не въ запущенной домишко, а въ новую землянку, къ родимой.... (Онъ зарыдалъ, и отъ истощенія тѣлесныхъ и душевныхъ силъ зашатался и упалъ на полъ.)

Священникъ, уразумѣвъ смыслъ послѣднихъ словъ Злыднева, съ трепетомъ вскочилъ съ лавки, приподнялъ несчастнаго и повелъ въ свою спальню, давъ себѣ обѣщаніе спасти его отъ людей и отъ самаго себя.

Вечеринка въ домѣ Занозина.

На столѣ, покрытомъ чистымъ столешникомъ, стояло нѣсколько муравленыхъ блюдъ съ грецкими и каленымъ орѣхами, моченымъ яблоками, жемками и сухими вишнями, штофъ пѣннаго вина, ендова меду и жбанъ пива. Въ переднемъ углу къ надворной стѣнѣ, сидѣлъ мужчина лѣтъ пятидесяти, въ голубомъ сертукѣ, съ большими мѣдными пуговицами, пестромъ двуборшномъ жилетѣ и въ розовомъ платкѣ на шеѣ; волосы у него на головѣ и бровяхъ были густые и какъ смоль черные; лице полное и румяное, глаза свѣтлые, взоръ плутовски проницателенъ. Это былъ нѣсколько разъ упоминаемый нами прикащикъ. Возлѣ него сидѣли родня и пріятели Занозина, въ черныхъ суконныхъ кафтанахъ. Лавка вдоль наружной стѣны заняша была молодицами и красными дѣвушками. Всѣ онѣ одѣты были въ кумачные и

китайчатые сарафаны, синяго, краснаго и голубаго цвѣта, опоясанные подъ грудьми плетеными изъ шелка поясами, шириною пальца въ два съ половиною. На головахъ у первыхъ были полукруглые кокошники изъ разноцвѣтной шелковой матеріи, съ узенькими золотыми прозументами и бисерными подзатыльниками; у вторыхъ блестящія повязки, съ стеклярусными на лбу поднизями; а въ заплетенныхъ косахъ — красныя ленты или шелковыя косники, на подобіе шляпки (сѣчки (*).) У тѣхъ и у другихъ узенькіе ворошники сбористыхъ рубахъ, застегнушы были большими запонками, съ красною подъ стекломъ фольгою; а ноги обушы въ толстые шерстяные чулки и кошы, съ красными вычурами. Между дѣвушками была и дочь Занозина, пятнадцатилѣтняя красавица. Хозяинъ помѣ-

(*) Г. Булгаринъ, въ романѣ:—*Дмитрій Самозванецъ*— описываетъ косники треугольными; но это, по моему мнѣнію, не справедливо.

щался на приставленной къ столу скамейкѣ, спиною къ двери; а хозяйка занималась угощеніемъ. Мужчины разговаривали между собою въ-слухъ; а женщины и дѣвушки перешептывались и пересмѣивались потихоньку, послѣднія закрывая лицо широкими рукавами.

Прикащикъ. Да что это красныя-то дѣвушки играютъ въ молчанку. Кажись бы имъ надо пѣть, да плясать: вѣдь нынѣ святки, а не великой постъ.

Хозяйка. (Кланяясь прикащику). Не смѣютъ тебя, батюшка, а буде изволишь...

Прикащ. (На хмуря брови). Да развѣ я медвѣдь?....

Хозяйка, будто не вслушавшись въ слова прикащика, подошла къ коннику, сняла съ гвоздя плисовую шапку и подала своей дочери, примолвя: нутко, Варя, потѣшь честную-то бесѣду. — Красавица нѣхотя вставъ съ лавки, надѣла на себя шапку и подъ нижеслѣдующую пѣсню пошла плясать, съ примѣтною неохотою.

Пѣсня:

Какъ во городѣ было во Казани, —
Здунинай, най, най, — во Казани.
Молодой чернецъ постригся, —
Здунинай, най, най, — постригся.
Захотѣлось чернецу погуляти, —
Здунинай, най, най, — погуляти.
Что за тѣ ли за святыя за вороты, —
Здунинай, най, най, — за вороты.
А на встрѣчу чернецу — стары бабы, —
Здунинай, най, най, — стары бабы.
Чернечища клобучища принахлупилъ, —
Здунинай, най, най, — принахлупилъ.

Въ это время земской, братъ прикащика, отворивъ дверь, вошелъ въ избу. Варя закрыла шапкою почти все лицо. Молодцы и дѣвушки продолжали:

Какъ во городѣ было во Казани, —
Здунинай и проч.
Молодой чернецъ постригся, —
Здунинай и проч.
Захотѣлось чернецу погуляти, —
Здунинай и проч.

Что за тѣ ли за святыя за воропы,—
Здунинай и проч.
А на встрѣчу чернецу молодицы, —
Здунинай и проч.
Чернечища клобучища приподнимешъ, —
Здунинай и проч.

Варя, обернувшись къ двери, открыла лице и надѣла шапку какъ слѣдуетъ. Хоръ продолжалъ:

Какъ во городѣ было во Казани, —
Здунинай и проч.
Молодой чернецъ постригся, —
Здунинай и проч.
Захотѣлось чернецу погуляти, —
Здунинай и проч.
Что за тѣ ли за святыя за воропы, —
Здунинай и проч.
А на встрѣчу чернецу красны дѣвки, —
Здунинай и проч.
Чернечища клобучища долой сбросишъ, —
Здунинай и проч.

Варя бросила черезъ голову шапку, (которая, по странному случаю, упала

прямо въ лицо прикащикову брату), и побѣжала вонъ изъ избы прохладиться; но отворя дверь, встрѣтилась съ Петрушей Злыдневымъ. Нѣкоторой родъ испуга заставилъ ее вскрикнуть и остановиться въ полурастворенной двери.

Хозяйка. (Подбѣжавъ къ дочери). Што это съ тобой мое дишяшко?

Варя. (Притворяя дверь и стараясь скрыть свое замѣшательство). Ни чево, родимая; не много ушибла руку. Поди къ гостямъ, а я выйду на крылечко. Што-то жарко.

Хозяйка. Ладно, Варишька, выдь. Да смотри не на долго, а не то продрогнешь.

Братъ прикащика, удалой дѣшина Василій Погшевъ, имѣлъ порочные виды на дочь Злыднева. Слѣдствіе пѣсни о чернецѣ, показалось удальцу непріятнымъ, даже оскорбительнымъ. — Ужь не съ умысломъ ли она оповорошилась, когда я вошелъ въ избу?... Ужъ не съ намѣ-

реніемъ ли бросила шапку? .... Не встрѣтился ли ей кто въ двери, когда она вскрикнула? — Такъ думалъ братъ прикащика и рѣшился подстерегать всѣ дѣйствія красавицы. Онъ сѣлъ подъ глухимъ надворнымъ окномъ (7), поднявъ руку къ верху, какъ бы безъ намѣренія открылъ его. Потомъ обернулся къ стѣнѣ и началъ пристально смотрѣть на дворъ и слушать.

Между тѣмъ Варя, захлопнувъ за собою дверь, схватила Петрушу за руку и поспѣшно вышла съ нимъ на крыльцо. — За чѣмъ это ты Петя пришелъ не въ пору? сказала красавица. — Какъ не въ пору, отвѣчалъ Злыдневъ, лаская и обнимая ее: ужь ли вы не отдадите мнѣ и полушубка-то? вѣдь весна-то еще за̀ моремъ, моя ненаглядная; а у меня только и есть .... — Приди завтре пораньше — подхватила Варя — батюшка будетъ спать, такъ я сама отдамъ. Она прижала его къ сердцу, крѣпко поцѣловала

и сказавъ: — прости! — поспѣшно вошла въ сѣни; а Злыдневъ и грустя, и радуясь, возвратился къ Священнику.

Варя не успѣла отворить двери въ избу, какъ Ногтевъ задвинувъ окно, очутился возлѣ входящей красавицы, и пользуясь шумнымъ разговоромъ пирующихъ, спросилъ ее въ полголоса: не мертвецъ ли сей часъ со двора сбѣжалъ? — Не знаю, — ошвѣчала она въ смущеніи. — Отъ чего же ты вся пропахла ладаномъ? примолвилъ онъ съ лукавымъ видомъ. — Варя, полагая, что Ногтевъ видѣлъ произшествіе на крылечкѣ, бросила на него умоляющій взоръ, и не ошвѣчая ни слова, въ сильномъ волненіи пошла къ своимъ подругамъ, собиравшимся пѣть подблюдныя пѣсни. Ногтевъ сѣлъ на прежнее мѣсто.

Занозинъ. (Обращаясь къ земскому). Да что это ты, нашъ ясный соколъ, сидишъ повѣся голову? — (Женѣ.) А ты чего зѣваешь, рахманная! — попотчуй дороговато гостя. — Хозяйка тотчасъ поднесла

Ногтеву чарку пѣнника; а Варя подала блюдо моченыхъ яблоковъ.

Дѣвушки запѣли подблюдныя пѣсни. Начались предвѣщанія, шутки и хохотъ. Зашѣмъ стали хоронить золото, съ пѣніемъ и пляскою, потомъ начали играть въ шумную курилку и т. д.

Онъ навѣки схоронилъ красные дни свои.

Съ тѣхъ поръ, какъ Священникъ призрѣлъ сиротку Злыднева, прошло уже четыре года. Сей добродѣтельный пастырь стада Господня, обращаясь съ нимъ кротко, словомъ и дѣломъ защищалъ его отъ притѣсненій злодѣя Занозина, земскаго и прикащика; а Петръ служилъ своему благодѣтелю, какъ добрый и усердный сынъ родному отцу своему. Злыдневъ достигъ уже 22-хъ-лѣт-

няго возраста. Онъ былъ высокъ ростомъ и строенъ — какъ ель; здоровъ и крѣпокъ — какъ дубъ, и расторопенъ — какъ осиновой листъ во время вѣтра. Всякая работа рукъ его была спора, прочна и опрятна. Онъ забылъ уже всѣ претерпѣнныя имъ бѣдствія въ минувшемъ, и изрѣдка — въ невинныхъ ласкахъ милой Вари, вкушалъ блаженство настоящаго, безъ малѣйшей заботы о будущемъ. Но строгая судьба посѣтила его несчастіемъ неожиданнымъ: добродѣтельный Священникъ, къ сожалѣнію всѣхъ честныхъ людей, перешелъ въ жизнь вѣчную и Злыдневъ навѣки схоронилъ съ нимъ красные дни свои.

Долго тосковалъ онъ о незабвенномъ благодѣтелѣ; долго думалъ, куда бы приклонить свою голову; наконецъ рѣшился на заработанные у Священника деньги купить лошадку и перейти въ свой домишко; — но тамъ ожидалъ его угрюмый

жилецъ — запустѣніе и старый знакомый — горькое одиночество.

Домъ Злыднева.

Двенадцати-лѣтній мальчикъ носитъ въ избу дрова; а старушка мать его, солдатка Пахомовна, взятая въ домъ для хозяйства, вырубаетъ огонь, намѣреваясь топить пѣчку. Къ нимъ вошелъ Петръ Злыдневъ.

Старуха. Што эшо, мой батюшка! за чѣмъ такъ рано?

Злыдневъ. Знаешь ли что, Пахомовна?

Стар. А што мой серебряной?

Злыд. (Сквозь слезы.) Вѣдь нашу-то землю прикащикъ отдалъ Занозину. Ужъ она почти до половины вспахана.

Стар. (Всплеснувъ руками.) Ахъ, батюшки свѣты! (Нѣсколько помолчавъ.) Ну, такъ ты сходи на барской дворъ да

поклонись, штобы велѣли отвести [8] другую.

Злыд. Нештo — попробую.

Онъ помолися Богу и отправился къ прикащику; а чрезъ часъ возвратился съ заплаканными глазами.

Стар. Што мой батюшка, дали ли?

Злыд. (Раздѣваясь.) Дали.

Стар. Ну, слава тебѣ Господи! — а далеко ли?

Злыд. У чорной дубровы, къ самому оврагу, не доѣзжая горы: Бѣсій лобъ.

Стар. (Перекрестясь.) Въ своемъ ли ты умѣ, дитятко? — да вѣдь это мѣсто-што споконъ вѣка.... заклято, — не здѣсь будь сказано! — Развѣ ты не знаешъ, што тамъ.....

Злыд. Знаю, Пахомовна, все знаю; да коли ужь нѣтъ другова, такъ и за это спасибо. Жаль только, что больно далёко; а то чево бояться? Мельникъ поѣхалъ же.....

Стар. Охъ, ты моя недозрѣлая ягодка! Мельнику-то было спола-горя: вѣдь онъ самъ *дока*.....

Злыд. Ладно, Пахомовна, — ужь чему быть, того не миновать; а теперь сбериткo на столъ, да пообѣдаемъ, чѣмъ Богъ послалъ.

Сонъ.

На разсвѣтѣ другаго дня Злыдневъ закричалъ въ просонкахъ изо всей силы и вскочилъ съ лавки на полъ.

Пахомовна. (За оштородкою.) Господи помилуй! што съ тобой, мой батюшка?

Злыдневъ стоялъ на одномъ мѣстѣ, крестился и не говорилъ ни слова.

Старуха торопливо накинула на себя сарафанъ, поспѣшно вышла изъ-за перегородки, осмотрѣла всю избу и повторила прежній вопросъ свой. — Ничего,

Пахомовна, отвѣчалъ хозяинъ, мнѣ пригрѣзился страшной сонъ.

Стар. Знать больно страшенъ, мой кормилецъ: ты закричалъ благимъ матомъ.

Злыд. (Сѣвъ на лавку.) А вотъ послушай-ка ....

Стар. Постой, постой, не чеши голову; а нето всё позабудешь [9] ....

Злыд. Мнѣ пригрѣзилось, будто я вечеромъ иду по плотинѣ высокой, превысокой! а со мной какой-то мужикъ да парнишка. Мужикъ-то такой страшной, что и сказать нельзя: голова большущая и плѣшивая, рожа блѣдная съ синими пятнами, буркалы косые съ кровяными жилками, носъ широкой сплюснутой, ротъ кривой, а изъ ёво торчатъ желтые зубы; отъ самыхъ ушей и до пояса виситъ рыжая бородища, мѣстами свалявшись — какъ отъ кошмы [10] лахмотья; а паренекъ-то, такъ вотъ словно харитончикъ, какъ написаной! —

Мужикъ-ашъ будто всё насильно тащитъ меня впередъ; а парнишка-та цапается мнѣ за̀ полу, да мало-мальски останавливаетъ. Одначе мы всё подвигаемся впередъ, да впередъ, а чѣмъ дальше, тѣмъ плотина-то становится у̀же да у̀же.... Не доходя до самаго-то конца, которой былъ какъ клинъ, я остановился; хотѣлъ было назадъ, — а мужикъ-ашъ какъ захохочетъ.... Да такъ ухватилъ меня за руку, что словно желѣзными клещами. Видишь ли что тамъ? спросилъ онъ меня, указывая въ пропасть. — Я взглянулъ — да-такъ и не вспомнился....

Стар. О, о, охъ! дитятко, больно не хорошъ сонъ-то твой!

Злыд. Еще то ли будетъ! Мнѣ показался сухой омутъ; а въ ёмъ пропасть козловъ, съ человѣчьими руками; а еще чорныя собаки съ крыльями; большущія змѣи, на гусиныхъ ногахъ, съ козлиными рогами и огненными глазами, люди съ совиными башками, да съ бычачьими

хвостами — и всѣ-то они сидятъ на какомъ-то желтомъ камнѣ; а возлѣ камня-то очутился и парнишка, что провожалъ меня. — *Видишь ли что тамъ?* сказалъ опять страшной-то; а у меня и умъ за-разумъ зашелъ и языкъ отнялся. — *Постой же!* молвилъ онъ охрипшимъ голосомъ, да и потащилъ меня къ самому краю. Вдругъ ударилъ страшный громъ, я что есть мочи вскрикнулъ: — да воскреснетъ Богъ! — да и проснулся.

Ужасъ.

Подобно краю раскаленнаго шара, солнце выкатывалось изъ за двухолмной черной горы — Бѣсій Лобъ. Жаворонки радостно ныряя въ прозрачномъ морѣ воздуха, привѣтствовали утро сладкимъ пѣніемъ. Легкій вѣшерокъ разносилъ по пространству полей *влажный* запахъ

возникающихъ растѣній. Молодой Злыдневъ, съ ясною душою, исполненною любви и упованія на Промыслъ Божій, весело подъѣзжалъ къ Черной дубравѣ, примыкающей къ помянутой горѣ. Онъ остановился на краю оврага, возлѣ камня *Черепъ*, и помолясь Богу, усердно принялся за работу.

Насталъ полдень. Утружденный земледѣлецъ развернулъ хребтукъ (11) и поставилъ къ оному (со стороны тѣни) свою лошадь; а самъ вынувъ изъ берещенаго кошеля ковригу хлѣба и узелокъ съ солью, сталъ обѣдать. — Потомъ отдохнувъ не много, спустился въ глубь оврага, и напоивъ въ ручьѣ своего гнѣдаго товарища, снова принялся за работу.

Насталъ вечеръ. Полуденныя тѣни предметовъ увеличились крашъ въ двадцать. Злыдневъ проводилъ къ оврагу послѣднюю борозду и въ задумчивости прошелъ вонъ изъ загона до половины межи. Онъ, не замѣчая своей ошибки,

намѣревался идти далѣе; но лошадь его вдругъ остановилась. Онъ сталъ понукать ее, но безъ успѣха. Ахъ, батюшки свѣты! сказалъ нашъ земледѣлецъ, покраснѣвъ до ушей, — ни какъ я ополоумѣлъ! .... И какъ бы боясь свидѣтелей, хотѣлъ поспѣшно высвободить изъ глубокой борозды сошники; но соха ни взадъ, ни впередъ не подавалась. — Господи помилуй! шепталъ Злыдневъ въ смущеніи, тщетно усугубляя свои старанія.

Между тѣмъ небо обложилось тучами, всталъ вихорь и пробудилъ Черную дубраву. Она страшно зашумѣла, а Злыдневъ, творя молитву, опрягъ лошадь, чтобы ловчѣе было высвободить изъ земли орудіе; — но въ сію минуту блеснула молнія, и передъ устрашеннымъ взоромъ крестьянина мѣлькнулъ во мракѣ видѣнный имъ во снѣ желтый камень, со всѣми извѣстными намъ ужасами: тамъ видны были черные собаки, съ нето-

пырьими крыльями; змѣи, съ торчащими въ разныя стороны козлиными рогами и проч. и проч. Злыдневъ хотѣлъ перекреститься; но руки ему не повиновались. Онъ силился сотворить молитву, но не могъ вспомнить ни одной изъ нихъ. Блескъ молніи повторился, — повторилось и ужасное явленіе на желтомъ камнѣ. Ударилъ страшный громъ и полумертвый пахарь машинально повалился на лошадь, и дрожа, какъ въ лихорадкѣ, пустился къ селенію, не смѣя оглянуться назадъ и давъ себѣ обѣщаніе и близко не подъѣзжать къ Черной дубравѣ. —

Діяконъ.

На другой день по утру Злыдневъ отправился къ отцу Діакону и разсказавъ ему страшный сонъ свой и произшествіе вчерашняго вечера, со слезами умолялъ о исходатайствованіи ему участ-

ка земли въ другомъ мѣстѣ. Послушай, Петруша, — сказалъ Діаконъ, — я знаю, что ты человѣкъ честный и правдивый; но не вѣрю словамъ твоимъ. — Выслушай меня со вниманіемъ: явленіе, столько тебя напугавшее, было ни что иное, какъ игра собственнаго твоего воображенія. Если ты меня не понялъ, то я скажу яснѣе: ты въ Пятницу видѣлъ страшной сонъ, въ Субботу выѣхалъ въ поле, ночь и наставшая гроза, расположили тебя къ боязни; въ это время ты непроизвольно вспомнилъ сонъ свой; блескъ молніи освѣтилъ передъ тобою какое нибудь возвышеніе, и устрашенный твой разумъ представилъ тебѣ помянутое видѣніе; — но въ самомъ дѣлѣ его не было, быть не могло и никогда быть не можетъ. — Слова мои такъ справедливы, какъ Богъ святъ. Теперь понялъ ли ты меня и вѣришь ли мнѣ?

Злыдневъ. Оно не што, батюшка Герасимъ Иванычь, хоть не совсѣмъ, а

понимаю. Хотѣлось бы и вѣрить, да правду молвить, что-то не вѣрится....

Діаконъ. (строго). Я хотѣлъ тебя просвѣтить, и въ подкрѣпленіе словъ моихъ, призвалъ имя Божіе. Если ты не хочешь, или не можешь вѣрить мнѣ, то ступай вонъ.

Злыд. (рѣшительно). Нѣтъ, отецъ Герасимъ Иванычь, я тебѣ вѣрю и завтра же поѣду подъ Чорную дуброву. — Теперь ужь я и самъ вижу, что мнѣ только померещилось; а кабы я въ-заправду-шо видѣлъ силу нечистую, — такъ ужъ вѣрно не сдоброваль бы мнѣ....

Сельская тюрьма.

Петръ Злыдневъ, сидя на полу, прикованный къ стѣнѣ цѣпью, разговариваетъ съ отцомъ своимъ. У отворенной двери стоитъ разсыльный съ замкомъ въ рукѣ.

Петръ. Я слѣзъ съ лошади, посмотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ мерещилась мнѣ нечистая-то сила; а на томъ мѣстѣ стоитъ большущій ивовой пень съ крюковатыми сучьями и молодыми отростками; а возлѣ-то ёво камень Черепъ. Ну, такъ и есть — подумалъ я, отецъ Гарасимъ сказалъ правду, даромъ что съ роду не бывалъ у Чорной дубровы: эти сучья не диковина почесть и за змѣй, и за бычьи хвосты, и за рога козлиные, и за что хочешь; а особливо ночью, во время грозы и въ такомъ закляпомъ мѣстѣ. Я принялся осматривать сошники, а они застряли въ желѣзной дужкѣ, да ужь и согнули и надломили её. Я пораскопалъ немного землю, гляжу — а тамъ желѣзной кузовъ. Я снялъ съ него крышку, распоролъ кожаную верхушку, да не взвидѣлъ и свѣшу Божьева!.... Кузовъ-то полонъ былъ насыпанъ серебрепыми деньгами....

Отецъ. Што ни говори, Петруня, а дѣло-то больно мудро: кладъ найти въ наше время не бездѣлица; а особливо нашему брату незнахарю.....

Петръ. (съ плачемъ.) Ужъ ли родимой и ты не вѣришь мнѣ?

Отецъ. Послушай-ка, — не было ли ково нибудь по близности, какъ ты ево выкапывалъ?

Петръ. Да кому придетъ охота зайти къ Чорной дубровѣ?

Отецъ. И то правда, съ чево же прикащикъ-атъ говоритъ, што ты не нашолъ, а укралъ....

Петръ. (перерывая.) Да развѣ ему привыкать клепать-то меня: вѣдь ужь однажды сказалъ же, што я обворовалъ Занозина, да еще на мірскомъ сходѣ высѣкъ прутьями; — а хоть скрозь землю провалиться, — такъ попапрасну.

Отецъ. Правду молвить, я и самъ знаю каковъ онъ.... (утирая слезы.) Не за добромъ же я пришелъ на побывку-то....

Разсыльной. (Злыдневымъ.) Встаньте! встаньте! — сюда идетъ новой прикащикъ.

Отецъ. Богъ съ нимъ, пусть ёво идётъ.

Прикащикъ. (входя въ шюрьму.) Здравствуй служивой, здорово и ты Петръ!

Отецъ. (равнодушно.) Вамъ желаемъ здравія.

Прикащикъ. (Петру.) Сколько было вѣсу въ деньгахъ, когда ихъ у тебя отобрали?

Петръ. Съ кожей-то тянуло два пуда съ полтретью фунтами.

Прикащ. (разсыльному.) Сними съ Петра цѣпи, они теперь нужны для стараго прикащика. (Петру.) А ты ступай домой, да зайди въ Правленіе за своими деньгами; а какъ тебѣ одному не донести ихъ, такъ отецъ пособитъ. Ступайте съ Богомъ. — Желаю, чтобы находка твоя пошла тебѣ въ прокъ.

Молодой Злыдневъ, пораженный неожиданнымъ счастіемъ, съ рыданіемъ упалъ

въ ноги новому прикащику; а потомъ въ безмолвіи бросился обнимать отца своего. —

Какъ аукнется, такъ и откликнется.

Я не считаю нужнымъ называть человѣка, донесшаго господину села Порѣцкаго о дурномъ поведеніи его прикащика. Всѣ добрые люди не терпятъ доносчиковъ хотя и въ правомъ дѣлѣ; а мой доносчикъ, самъ былъ человѣкъ добрый. Я сказалъ — былъ, потому, что онъ давно уже перешелъ въ жизнь вѣчную. — Теперь поспѣшимъ кончить.

Стараго прикащика и клеврета его Занозина отправили на поселеніе; а Земскаго Ногтева отдали въ солдаты.

Родъ Злыдневыхъ, — какъ мы видѣли, много пострадалъ отъ несправедливости злаго начальника; но теперь страданія

его кончились. Петръ изъ бѣдняка сдѣлался человѣкомъ богатымъ, и женился на любимой имъ дѣвушкѣ, дочери Заносина, Варѣ.... Онъ, наградивъ своего отца, вспомнилъ и давно забытаго нами крестьянина Савелья, и подарилъ ему пять сотъ рублей, да столько же просвѣщенному отцу Герасиму.

Пояснения:

(1) Выздоровѣлъ.

(2) Съ палкою.

(3) Гдѣ какъ попало.

(4) Хорошо законопаченный мохомъ анбаръ.

(5) Плоская соломенная крыша на сараѣ.

(6) Напущено значитъ — въ слѣдствіе колдовства.

(7) Глухія окна дѣлаются въ толщину одного бревна избы. Въ сіе отверстіе вставляется къ наружной сторонѣ подвижная оконница; а къ внутренней такая же деревянная заслонка.

(8) Назначить, дать, указать.

(9) Если кто хочетъ упомнить видѣнный сонъ, тотъ проснувшись, не долженъ касаться руками головы своей прежде, чѣмъ раскажетъ оный. Въ противномъ случаѣ, сонъ навсегда забывается. Такъ думаютъ многіе крестьяне низовыхъ губерній.

(10) Кошма, — большой квадратный войлокъ.

(11) Толстое полотно, въ которомъ крестьяне кормятъ овсомъ лошадей въ дорогахъ.

VIII.

ВЕЧЕРЪ ВЪ КРЕСТЬЯНСКОЙ ИЗБѢ,

или

всѣ бобры, всѣ равны.

Ѳаддей Гречухинъ (входя въ избу). Сноха! Ненила! пора огонь вздувать.

Ненила (слѣзая съ печки). Ладно, родимой! вздую. — Она подошла къ шестку, открыла заслонку, вынула изъ золы уголь, прошептала, — *царь огонь! явись намъ!* — приставила къ углю лучинку и стала дуть изо всей силы. — Лучинка вспыхнула.

Улита (жена Ѳаддеева). Тимошка! экой увалень, што же ты лежишь? подай скорѣй свѣтецъ, да поставь лоханку подъ огарки. — Тимофей, (сынъ Ненилы) исполнивъ приказаніе бабушки, полѣзъ на

полати. Ѳаддей досталъ изъ коника [1] вязанку лыкъ, качедыкъ, колодку, сѣлъ на лавку, прижды перекрестился и началъ лапоть. — Ненила вынула изъ печи огромной пукъ лучины, взяла гребень съ дѡнцемъ и сѣла близь огня прясть посконь.

Ѳад. А ты што хозяйка?

Улит. (на пѣчкѣ). Да такъ, што-то не по себѣ: знать къ ненастью. Дай немножко поваляюсь.

Тим. (дѣдушкѣ). Родимой! а, родимой! скажи-шко какую нибудь сказочку.

Ѳад. Про бѣлаго быка што ли?

Тим. Ну, ужь добра-то! нѣтъ, какую ни-наесть взаправскую; лишь не надо про колдуновъ съ мертвецами.

Ѳад. Ужо, дай подумать.

Нен. Ай-да родимой! вотъ спасибо!

Ѳад. (помолчавъ). Ну, слушайте; да чуръ не перебивать, а не то....

Тим. Не станемъ, золотой, не станемъ.

Θад. (начинаетъ сказку). „Вотъ видите ли.... (Тимофей взглянулъ на окно и закричалъ изо всей силы).

Θад. (сердито). Тимошка!....

Улит. (мужу). Ишшни, окаянной! экой нехристь! не видишъ што ли ты, што ему попритчилось.... Она поспѣшно слѣзла на полъ; взяла ковшъ воды, положила въ нее уголь, кусочикъ глины, щепотку соли, прошептала молитву, и спрыснувъ испуганнаго мальчика, трижды плюнула. — Θаддей и Ненила перестали работать. Улита съ поджатыми руками сѣла подлѣ своего мужа. Всѣ хранили глубокое молчаніе.... Ненила посмотрѣла на Улиту, потомъ на Θаддея, отвернулась къ окну, и закричала изо всей силы.... Наше мѣсто свято! — Съ нами Хрёсная сила! шептали старикъ съ старухою. — Дверь распахнулась настежь: старикъ и старуха вздрогнули....

Правдухинъ. (солдатъ, пасынокъ Грачухина, входя въ избу). Здорово хозяинъ!

очищай подъ святыми; я къ тебѣ на ночлегъ.

Θад. (въ смятеніи). Я чай вашей милости сперва къ старостѣ бы.... — Улита всматриваясь въ гостя, толкаетъ мужа подъ бокъ и шепчетъ ему что-то на ухо. Θаддей заплакалъ, Улита зарыдала и оба бросились на шею, а Ненила въ ноги служивому.

Улит. Слава тебѣ Господи! сподобилъ ты ещо разокъ увидѣть ненаглядное-то мое солнышко.

Θад. Ну ужъ братъ! хошь больно всполошилъ, а спасибо!

Правд. Всѣ ли вы по-добру да по-здорову?

Θад. Не што, братъ, Богъ грѣхамъ терпитъ: слава Богу!

Правд. (Поднимая Ненилу). А ты што не здоровкаешся? (обнимаетъ её).

Нен. Охъ ты мой серебряной! подъ жилки-то, меня какъ будто подкосило....

Θад. (по нѣкоторомъ молчаніи). Добро, бабы! полно-ше выпь! Службѣ-то надо раздѣться, да поскорѣй покой взять. Чай усталъ и перезябъ нивѣдь какъ. Хозяйка! ты хлопочи объ ужинѣ; а ты споха, бѣгомъ къ куму десятскому: проси и моли, штобы налилъ винца сулейку; а свекоръ-де завтре въ торгъ поѣдетъ такъ не постоитъ за двѣ....

Нен. Знаю, родимой, знаю.... И съ словомъ симъ побѣжала вонъ изъ избы.

Улит. (Θаддею на ухо). Не ожаритъ ли намъ ососочка (2)?

Θад. Оно бы вѣстимо, штобъ такъ, да ужъ поздо; теперь давай што ни на есть, да только воровѣй (3).

Правд. Ну, батюшка, што у васъ повинькова? Да гдѣ мой Тимошка? ужъ живъ ли?

Θад. Живъ и здоровъ; да што-то попритчилось, такъ старуха спать уклала.

Прав. Не на полатяхъ ли?

Θад. Да, на полатяхъ; а што?

Прав. Ну, такъ знашь онъ меня испугался: видно онъ-то и взглянулъ прямо мнѣ въ глаза, когда я стоючи подъ окномъ смотрѣлъ къ вамъ въ избу.

Ѳад. Знашь и впрямь такъ. Экой ты озорь.... И Ненилу знашь ты же....

Нен. (входя въ избу и отдавая съ поклономъ свёкру вино). Изволь, кормилецъ. (Мужу). А тебѣ, Терентьичь! десятской наказалъ поклонъ справить. Онъ бы знашь и самъ прибѣжалъ; да вишь ли, здѣсь былъ подъячій изъ города, ну, да слышь ни за̀што ни про̀што, изувѣчилъ его до полусмерти; такъ нѣшто не по себѣ-дискашь. —

Ѳад. Добро! принеси-шка изъ поставца жестяную чарочку, да изъ погреба груздковъ десятка съ полтора; такъ мы и спрыснемъ дорогова-то гостя. — Ненила исполнивъ приказаніе, стала, поджавъ руки, противъ мужа. — Ѳаддей и Правдухинъ сѣли за столъ.

Ѳад. (наливая вино.) Жаль, братъ! ужъ куда бы знашно, кабы ты пораньше....

Унасъ было пропасть свадебъ. То-то нагулялись: кумъ Вавила выдавалъ дочь; сватъ Похомъ женилъ сына; а троюродной твой братъ Мирошка, самъ женился. — Ужъ то-то, слышь, попировали!

Улит. (изъ-за перегородки.) Нѣтъ разскажи-тко про свадьбу новаго старосты; такъ ужъ есть чего послушать: гостей-то, гостей-то! вина-то, вина-то! а пальбы-то, — ажно о сю пору въ ушахъ гремитъ (4).

Ѳад. Молчи, старуха! староста мужикъ чиновной, богатой, спѣсивой: коли встрѣтится, такъ слышь, на поклонъ и шапки не ломаетъ.

Прав. Ага! — Это точь въ точь, какъ у насъ въ Питерѣ....

Ѳад. А што у васъ въ Питерѣ? Ужъли и тамъ женился староста? Скажи-тко, скажи?

Правд. Нѣтъ не то; а вотъ видите: какъ повѣстили про коронацію-то нашева

батюшки православнаго Государя — дай ему Господи многія лѣта здравствовать! (всѣ крестятся.) — такъ всполошился весь Питеръ: вездѣ поднялась музыка, вездѣ танцы, пѣсельники; а какъ зажгли *лиминацую*-то, такъ словно — словно день Божій....

Улит. *Леменаца*-то, мой ненаглядной, што за звѣрь такой?

Прав. Ну, энто плошки да шкальчики.

Улит. (разумѣя плошки, употребляемыя въ стряпнѣ). Плошки-то, кормилецъ, я знаю, и у насъ грѣшныхъ людей они таки водятся; а шкальчики-то што же?

Правд. Это стоканчики, родимая: въ нихъ наливаютъ какое-то снадобье — да такъ и зажигаютъ.

Улит. Эка слышь, притча! Эка диковина!

Отд. То-то, я чай, ты вдоволь наглядѣлся, наслушался?

Прав. Вѣстимо; да не въ томъ сила. Я хотѣлъ сказать, што люди-то и въ

Питерѣ и въ деревнѣ равнымъ-равнёшеньки.

Отд. Морочишь, брашъ, морочишь! ужъ энтому-то не повѣрю. — Ну самъ суди, какъ намъ темнымъ людямъ равняться съ Питерскими? —

Прав. А вотъ дослушай-ка: лишь только схлынула трехъ-дневная-то сумашоха, то пошли по городу какіе-то грамотные люди — газеты (знашь пріятели нашего ротнаго писаря, которой мнѣ про это расказывалъ), и начали всякому встрѣшному и поперешному благовѣстить: у того-де барина было знашно! а у того купца еще лучше! ну, всё слышь толкуютъ про леменацую-то. — Тамъ-де были какіе-то транцъ-патронцы; шамъ каршины, патреты, вензеля; — а про всесвѣтнаго-то богача и забыли.

Отд. Энто знашь про Шилеметьева? а онъ рази не тѣшился?

Правд. Какъ не тѣшился! я притоманно знаю отъ ихнива Фалетура, што

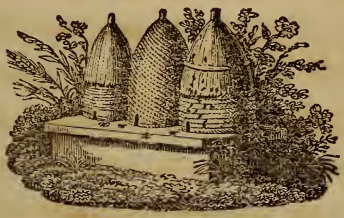
у Графа-то сгорѣло 60,000 шкальчиковъ; а плошки-то слышь, и въ щетъ не шли. А маненько погодя, на дачѣ 40,000 шкальчиковъ, да еще февиракъ почти въ 7000 руб.; а вѣдь газеты-то, слышь, никому и словечка не молвили. Эка фтора!.... Видно передъ ними Графъ-ашъ то же шапки не ломаетъ.... Хоша онъ и не спѣсивъ, какъ я знаю, а особливо съ нашимъ братомъ да съ бѣдными. — Ну вотъ! теперь не правда ли, что и въ Питерѣ есть такіе же люди, какъ и у васъ въ деревнѣ: ты не хошь говорить про потѣхи богатаго старосты; а газеты про всесвѣтнаго богача Шилеметьева.

Ѳад. Такъ-нъ вотъ, слышь, въ чемъ сила-то!

Нен. Ты молвилъ, серебряной! 60 тысячь шкальчиковъ; а много ли это?

Ѳад. Много будешь знать, скоро состаришся. Энто такъ много, што, я чай, и смѣты-то нѣтъ. Да добро! *всево не перенять, што по водѣ*

плыветъ. Лучше выпьемъ-ка по трепьей, да поужинаемъ чѣмъ Богъ послалъ, а тамъ и на боковую. —



Пояснения:

(1) Лавка съ ящикомъ близъ дверей.

(2) Поросенокъ.

(3) Скорѣе. —

(4) Въ деревняхъ низовыхъ губерній ведется обычай на свадьбахъ стрѣлять изъ ружей и пистолетовъ, бить горшки и корчаги. —

IX.

Голинькой охъ! а за голинькимъ Богъ.

Сиротка и его благодѣтели.

Въ Губернскомъ городѣ *.....ѣ, жилъ небогатой купецъ Степанъ Иволгинъ. Онъ былъ вдовъ и имѣлъ у себя малолѣтнаго сына Дмитрія. Старикъ Иволгинъ, будучи дряхлъ и удученъ болѣзненными припадками, не надѣялся самъ взростить и пристроить сына своего, и дабы сколько можно упрочить ему счастіе въ будущемъ, призвалъ къ себѣ одного стариннаго пріятеля — зажиточнаго и честнаго мѣщанина Ивана Сыромятникова, и поручивъ ребенка его покровительству, скоро перешелъ въ жизнь беззаботную.

Сыромятниковъ, устроивъ дѣла покойника, взялъ малютку къ себѣ; воспитывалъ лѣтъ до двенадцати и имѣя надобность на нѣкоторое время отлучиться изъ города, поручилъ его богатому купцу Матвѣю Петровичу Свіягину. Съ сего времени о Сыромятниковѣ ни слуху ни духу не было. Многіе подозрѣвали, что послѣ Иволгина остались деньжонки, и что душеприкащикъ присвоя ихъ, избралъ мѣсто жительства вдали отъ сиротинки, дабы онъ современемъ не потребовалъ отъ него отчета.

Дмитрій Иволгинъ живетъ у Свіягина уже лѣтъ десять. Онъ смышленъ, расторопенъ и честенъ. Онъ высокъ ростомъ, строенъ и хорошъ лицемъ. Его жалуетъ Прасковья Ильинишна, жена Свіягина; имъ не нахвалится Матвѣй Петровичъ; болѣе же всѣхъ расположена къ нему Софьюшка, единородная дочь Свіягиныхъ, семнадцати-лѣтняя красавица. За то и

нашъ Миша любитъ ее болѣе всего на свѣтѣ.

Сваха.

Однажды послѣ обѣда Прасковья Ильинишна съ дочерью сидѣли за работой: Мать шила, а дочь плела кружева. Въ это время вошла къ нимъ торговка Максимовна.

Торговка. (помолясь Богу и поклонясь хозяйкамъ). Здарово, моя матушка, Прасковья Ильинишна! здравствуй и ты, бурмицкое мое зернышко — Софья Матвѣвна! какъ васъ Господь Богъ милуетъ?

Мать. Милости просимъ, Максимовна; милости просимъ! садись-ка.

Тор. Спасибо, моя касатушка, спасибо! а дома ли сожитель твой — Матвѣй Петровичъ?

Мать. Дома-сша, дома. Да што же ты не садишься? — сядь-ка, добро, сядь!

(торговка поклонясь, сѣла по-одоль хозяевъ). Ты знать принесла намъ жемчуги?

Торг. Нѣтъ, моя ненаглядная: я пришла не продать, а купить....

Мать. Ашпо бы-ста такое? (Входитъ хозяинъ съ сиротой Иволгинымъ; торговка встаетъ и кланяется.)

Свіягинъ. Ба, ба, ба, Максимовна? здорова!

Тор. Здравствуй, мой батюшка — Матвѣй Петровичь, здравствуй! какъ тебя Господь милуетъ?

Свіяг. По маненьку-ста, по маненьку. За чѣмъ загуляла? —

Торг. Да вотъ, мой кормилецъ, — у васъ есть товаръ, а у насъ купецъ....

Свіяг. Ладно, Максимовна! ладно: подавай сюда! (у Софьи оборвалась коклюшка, упала на полъ и покатилась по горницѣ. Дмитрій бросился поднять, но въ хлопотахъ наступивъ на нее, разломалъ на трое. Онъ поднялъ обломки и не понимая что дѣлалъ, — положилъ къ себѣ

за пазуху). — Што ты, Митя, вѣдь это не безмѣнъ; отдай-ка добро, отдай!

Иволгинъ. (въ сильномъ волненіи). Теперь ужь она не годится. Я нечаянно изломалъ....

Между тѣмъ Софья старалась привязать новую коклюшку; но руки ея дрожали, въ глазахъ рябѣло, голова кружилась....

Свіяг. (обращаясь къ торговкѣ). Ну, а што? здѣшній-сша, али изъ-за моря? — рожь, аль пшеница?

Торг. Рожь, мой батюшка! самая добрая рожь! — нужды нѣтъ, што не нынѣшняго умолоту (1).

Утро въ день сговора.

Молебенъ кончился. Матвѣй Петровичь утеръ слёзы, приложился ко кресту, поцѣловалъ у Священника правую руку; а въ лѣвую положилъ старинный

полшинникъ, и низко поклонясь, просилъ духовнаго отца покушать хлѣба соли. За хозяиномъ приложились всѣ домочадцы и человѣкъ пять гостей. Потомъ священникъ прочиталъ обычную молитву и сѣлъ за дубовой столъ на широкую лавку подъ святыми. Послѣ священника сѣли гости; а послѣ гостей хозяинъ и все его семейство. Прасковья Ильинишна понесла старшимъ домашнюю настойку, и называя каждаго по имени и отечеству, съ низкими поклонами просила обо всей (выпить до капли) и закусить пирогомъ съ соминьимъ плесомъ, жирнымъ балыкомъ и свѣжею икрою съ перцемъ. — Принимавшіе чарочку вставали съ мѣстъ своихъ, кланяясь хозяевамъ въ поясъ, поздравляли съ праздникомъ, (это было въ Воскресенье,) усердно желали благополучнаго окончанія начатаго дѣла, крестились, дули [2] въ настойку, и выпивъ, паки низко кланялись.

Да гдѣ нашъ Митя? — сказалъ Матвѣй Пешровичь, обратясь къ женѣ своей.

Онъ бѣдной что-то разнемогся, отвѣчала она, такъ я дала ему святой водицы, да уклала въ постелю. — Между тѣмъ сидѣвшіе за столомъ, молча, [3] ѣли пирогъ, икру и рыбу, на однѣхъ и тѣхъ же оловянныхъ тарѣлкахъ [4] и упирались обгибающими столъ длинными упиральниками [5]. Послѣ закуски подали большую оловянную миску жирныхъ щей, потомъ молочную лапшу, потомъ сальникъ; послѣ сальника жаренаго поросенка, начиненнаго гречневой кашей съ лукомъ; потомъ жидкую яичницу, потомъ курникъ. [6]

За каждымъ блюдомъ пили изъ большихъ серебряныхъ стопъ домашнее пиво, которое заблаговременно было поставлено на столъ въ мѣдномъ курганѣ.

Обѣдъ кончился. Всѣ встали, помолились Богу, поклонились хозяину и хозяйкѣ, благодаря за хлѣбъ, за соль.

Кушанье со стала убрали; накрыли чистый столешникъ (скатерть) и поставили разные фрукты. Потомъ усѣлись опять прежнимъ порядкомъ.

Свіяг. Теперь принесите-тка намъ медку, да наливочки.

Жена. Я ужъ велѣла-сша.

Свіяг. Да не лучше ли намъ въ саду прохладиться?

Жена. Нѣтъ, Машвѣй Петровичь: на дворѣ морошитъ дожичекъ.

Тутъ гости начали жаловаться на дурную погоду и шутить надъ женихомъ, что долго *холится* (7).

Лучше бы ему лежать въ сырой землѣ.

За чѣмъ мнѣ жить на вольномъ свѣтѣ? Я сирота и ничего не имѣю. Было у меня доброе сердце, и то потерялъ навѣки. Были у меня умъ и сила, и то

отняла кручина. — Добрымъ людямъ отъ меня нѣтъ пользы; да и самъ себѣ я сталъ въ тягость. — Такъ разсуждалъ Дмитрій Иволгинъ, лежа въ постелѣ, убитый горемъ. — Зловѣщая торговка Максимовна высватала отраду его жизни за другаго. Благодѣтель его, заботясь о счастьѣ своей дочери, помолвилъ ее за богатаго купца Сушугина. — Сиротка надѣялся, что первой женихъ не будетъ послѣднимъ; но надежда его не исполнилась: онъ видѣлъ приготовленія къ сговору.... Лучше бы ему лежать въ сырой землѣ, подлѣ своего отца и матери!

Письмо.

Любезный другъ, Митрій Степанычь! чай ужь ты и позабылъ меня, либо бранишь, што я тебя не вспомню. Молись-ка, другъ, Богу, да не мѣшкавъ ни часа, отправляйся въ дальній путь. Я и старъ,

и дряхлъ, и недомогаю: такъ поспѣши пріѣхать для-ради ращота. Покойной отецъ твой оставилъ мнѣ деньжонки и заповѣдалъ отдать тебѣ, когда придешь въ лѣты. Такъ пріѣзжай жа. Посылаю тебѣ на проѣздъ и на харчи 300 рублевъ и страхтовую роспись (8). Коль не захошь пріѣхать, то помни: не будетъ надъ тобою родительскаго благословенія. Такъ при смерти наказывалъ отецъ твой — царство ему небесное! — Исполни же, братъ, его послѣднюю заповѣдь; а не то пропадешь, какъ червь и въ сей, и въ будущей жизни. По отпускъ сего письма остаюсь твой доброжелатель — *Иванъ Сыромятниковъ.*

Простн.

Приближалось роковое Воскресенье, въ которое Софья Матвѣевна должна на вѣки оставить домъ родительскій. Сун-

дуки, поставцы и ларчики, почти всѣ окованные желѣзомъ, наполнены были дорогимъ приданымъ красавицы; въ нихъ лежали соболи, глазетъ и бархаты; серебряные стопы и чарочки; золото, самоцвѣтныя камки и жемчуги.

На столѣ стоялъ образъ Богоматери, родительское благословеніе Софьи Матвѣевны; сама она стояла передъ образомъ на колѣнахъ. Руки ея были опущены; на блѣдныхъ щекахъ виднѣлись засохшія; слезы взоръ устремленъ на Заступницу. Уста красавицы не произносили ни словъ, ни стоновъ; но ея сердце .... его давила тоска, для описанія которой нѣтъ выраженій.

Казалось, о чемъ бы грустить, о чемъ тосковать Софьѣ Матвѣевнѣ? — Она любима отцомъ и матерью; она молода, хороша и здорова; она сговорена за человѣка добраго и такъ же какъ сама, богатаго. Развѣ.... Но вотъ въ сосѣдственной комнатѣ послышались шаги

идущаго. — Печальная красавица вздрогнувъ, торопливо оставила мѣсто свое. Дверь тихо растворилась и сиротка Иволгинъ, блѣдный какъ мертвецъ, робко вошелъ въ горницу.

Иволгинъ. (сквозь слезы.) Прости, Софья Матвѣевна!

Софья. Куда ты.... (она не могла назвать его.)

Иволг. Въ Сибирь.

Соф. (какъ громомъ пораженная.) Прости, мой.... (она упала безъ чувствъ въ постелю.)

Тщетный трудъ.

Не скоро, но благополучно пріѣхалъ Иволгинъ въ городъ *..... Онъ переночевалъ въ квартирѣ Сыромятникова и вмѣстѣ съ свѣтомъ явился въ его горницѣ.

Сыромятниковъ. (лежа въ постелѣ.) Милости просимъ, Митрій Степанычь!

добро пожаловать! — хорошо ли ты отдохнулъ послѣ дороги-то?

Иволгинъ. Больно хорошо по твоей милости.

Сыром. Ахъ, какъ я радъ, что ты пріѣхалъ; а ужъ со всѣмъ-было отчаялся. Теперь мнѣ гораздо стало легче. Сядь поближе. Мнѣ надо кое-что разсказать тебѣ.

Иволг. Да не лучше ли подождать, пока ты совсѣмъ оправишся.

Сыром. Нѣтъ, братъ! въ мои лѣта, важныхъ дѣлъ нельзя откладывать въ долгой ящикъ. Подвинься-ка. (Иволгинъ сѣлъ въ ногахъ его кровати.)

Сыром. (Поправляясь въ подушкахъ). Я ужъ писалъ тебѣ, что послѣ покойнаго отца твоего остались деньжонки. Съ проданнымъ домомъ и рухлядью ихъ набралось сотъ до семи. Почти столько же было у меня и своихъ. Мнѣ хотѣлось ихъ въ торгъ пустить, да не зналъ какъ лучше. По совѣту одного пріятеля,

Сибирскаго выходца, я принялся за мѣховой промыселъ, и Богъ благословилъ труды мои: года въ три я имѣлъ оборота уже тысячь на пять; а въ десять лѣтъ, на одну твою долю, вышло чистыми 20,000 рублевъ, да еще и съ хвостикомъ.....

Иволе. Ахъ, благодѣтель мой! за чемъ ты пораньше не ссудилъ меня хоть третьею долею. Тогда можетъ быть....

Сыром. (перебивая.) Охъ молодость, молодость! — ей бы все вскачь, да поскорѣе..... Однако слушай: я устарѣлъ и сталъ прихварывать; а чужой глазъ въ торговлѣ — плохая выручка: иной прикащикъ и не обманетъ, да не съумѣетъ сдѣлать какъ надо; не убережетъ, не наблюдетъ поры-времени, — глядишь-анъ и убытокъ. А нынѣ накладъ, да завтре накладъ, — такъ бросай и промыселъ. Я было ужъ и велъ къ тому, да послѣ отдумалъ. (нѣсколько помолчавъ.) Ты, я чай помнишь мою Аннушку?

(слезы воспрепятствовали ему продолжать рѣчь).

Иволг. Анпушку? ну какъ мнѣ не помнить! Мы съ ней вмѣстѣ учились и грамотѣ. Да што? Ужъ жива ли она, здорова ли?

Сыром. А Господь знаетъ! Вотъ ужъ недѣли съ полторы..... Ну, да про это рѣчь опослѣ дойдетъ. — Аннушка была умна, добра и набожна (9); о тебѣ доходили ко мнѣ вѣсти хорошія; я припомнилъ дружбу вашу въ ребячествѣ и — хотѣлъ попытать — не могу ли здѣлать обоимъ вамъ счастія. Однажды я въ шуткахъ заговорилъ ей о замужествѣ, — она не противилась; я намекнулъ о сиротѣ Иволгинѣ, — она промолчала. Я написалъ къ тебѣ письмо и ждалъ съ надеждою, что она тебѣ будетъ по сердцу.

Иволг. Нѣтъ, благодѣтель мой! коли ты за этимъ призвалъ меня, такъ понапрасну только убытчился..... Сказать тебѣ правду: я любилъ Софьюшку, —

дочь Машѣя Петровича Свіягина — и никого болѣе любить не стану.

Сыром.. Теперь вижу, что тебѣ противна рѣчь моя, однако не мѣшай мнѣ кончить. — За недѣлю съ небольшимъ я сказалъ Аннушкѣ, что ты скоро пріѣдешь къ намъ и — въ ту же ночь она сгибла да пропала безъ-вѣсти. (Онъ плачетъ.)

Между тѣмъ дверь въ горницу отворяется, входитъ молодая женщина съ мужчиною, оба бросаются на колѣни и просятъ старика о прощеніи. Это дочь его Аннушка, обвѣнчавшаяся, безъ вѣдома отца, съ его прикащикомъ. Радость старика была неописанна. Онъ поспѣшно всталъ съ постели, снялъ со стѣны образъ и благословилъ новобрачныхъ, не сдѣлавъ имъ нималѣйшаго упрека.

Новый благодѣтель — Гурычь.

Какъ часто разногласятъ между собой манторы наши — могучій разсудокъ и слабое сердце, и какъ часто сила уступаетъ слабости! — Дмитрій Иволгинъ, внемля гласу разсудка, не хотѣлъ заѣзжать на свою родину; но сердце влекло его туда, и онъ послушался своего сердца.

Пріѣхавъ въ *.....ъ, и остановясь на постояломъ дворѣ, далеко отъ дома Свіягиныхъ, первымъ дѣломъ его было провѣдать о благодѣтелѣ своемъ Матвѣѣ Петровичѣ. — Вотъ разговоръ его съ хозяиномъ.

Иволгинъ. А што, дѣдушка, Гурычь! каково-то поживаютъ у васъ Свіягины?

Хозяинъ. Хорошо, кормилецъ; всѣ живы и здоровы; домъ у нихъ какъ полная чаша, всего вдоволь; што имъ дѣется! — А ты рази знаешь ихъ?

Иволг. Какъ мнѣ не знать: я жилъ у нихъ лѣтъ съ десять, и вотъ нѣтъ еще

и полугода, какъ выѣхалъ изъ здѣшняго города. —

Хоз. Ба! ба! ба! да это Мишя Иволгинъ? Ну, братъ, какъ же ты похудѣлъ! какъ перемѣнился! — што хошь — такъ не узналъ бы. Знать не за добромъ ты ѣздилъ на чужбину-то?

Иволг. Добра-то, дѣдушка, я вывезъ много; да счастья-то не добылъ.

Хоз. Не долго думалъ, не путно и молвилъ. Нѣтъ братъ! у кого добра много, у того и счастье за пазухой. — Слухъ прошелъ, што ты въ Сибирь отправился. Веселая сторонка! Кажись, какъ бы тамъ не столкнуться со счастіемъ? Да добро! — ты опять што ли подъ крыло къ Свіягину? такъ бери свою котомку, да ступай съ Богомъ. Свіягинъ купецъ богатой, — безпріютнаго съ двора не сгонитъ. А мы, братъ, люди бѣдные — и рады бы помочь, да нѣчемъ. — Теперь што ли отправишся?

Иволг. Да рази мнѣ нельзя обождать у тебя день, другой, третій?

Хоз. Нельзя, братъ! нельзя! вѣдь я ужъ не содержу постоялова двора. Отъ постояльцовъ плохой барышь! Мы сняли на базарѣ харчевку.

Иволг. Такъ вотъ оно што! жалко же! Ну, а Нѣмецкой трахтиръ ещо не рушился?

Хоз. Нѣтъ.

Иволг. Такъ потрудись сходить за извощикомъ: я туда переѣду.

Хоз. Што ты это зашѣялъ? да вѣдь Нѣмецъ-отъ беретъ по полтиннику въ сутки.

Иволг. Што жь дѣлать-то: пока пріищу квартиру, поживу хоть у Нѣмца: сто рублевъ куда не шли!

Хоз. (про себя). Сто рублевъ! — (въ слухъ). Послушай-ка, Митрій — какъ бишь тебя по батюшкѣ-то? Митрій — Митрій Степанычь! знашь ли што: чѣмъ тебѣ ѣхать къ босурману-то.... не изво-

лишь ли перейти въ нашу свѣшелку? — Для добра человѣка у меня нѣшъ ничево завѣшнова....

Иволе. Мнѣ всё равно, дѣдушка!

Хоз. Такъ пнъ давно бы.... (кличешъ) Яковлевна! Яковлевна!

Жена. (входя). Шшо Гурычь?

Хоз. Духомъ прибери свѣшелку. Вошъ эшошъ честной господинъ.... Да шшо ты не кланяешся? Рази не узнала Митрія Степаныча Иволгина? (Мигаешъ ей).

Жена. (низко кланяясь). Добро пожаловашь! милости просимъ! у меня все гошово, все прибрано.

Иволгинъ съ хозяйкою вошли въ опрятную горенку въ мезонинѣ. Тамъ стояла кровашь, столъ, двое подержанныхъ креселъ и четыре камышевыхъ стульчика.

Хозяйка. Вошъ, кормилецъ! лучше не найдешь и у Нѣмца шрахширщика.

Иволе. Ладно, бабушка, ладно! теперь дай-ка мнѣ чайку; да не забудь ужо истопишь баню; а вошъ тебѣ и на харчи,

впередъ за мѣсяцъ. Чево же не достанетъ, такъ отдамъ послѣ. (Онъ далъ ей 25-ти-рублевую ассигнацію).

Хозяйка. (съ примѣтнымъ удивленіемъ и радостію). И! кормилецъ, на што это! (беретъ деньги). И опосля сочлись бы. Ваша милость ужъ ли обидишъ насъ?—

Да полно, тотъ ли это Сутугинъ?

Раздался звонъ соборнаго колокола и Дмитрій Иволгинъ — перекрестясь три раза — сталъ собираться въ церковь Божію. Къ нему вошла хозяйка Яковлевна.

Хозяйка. Здорово спалъ, ночевалъ, батюшка Митрій Степанычь! не изволишь ли чайку накушаться?

Иволг. Нѣтъ, бабушка, я сперва схожу къ обѣдни.

Хоз. Знашь хошь посмотрѣть постриженіе?

Иволг. Какое, бабушка?

Хоз. А купца-то Сутугина. Да бишь! вѣдь ты отъѣзжалъ отсюда, такъ не вѣдаешь, што случилось съ нимъ. Ужо отъ досугу я разскажу, буде угодно.

Иволгинъ опустился въ близь стоявшіе креслы, не успѣвъ надѣть другаго рукава китайчатаго халата. Долго сидѣлъ онъ, въ положеніи человѣка размышляющаго; наконецъ трезвонъ церковный пробудилъ его отъ сего самозабвенія. Онъ едва внятнымъ голосомъ спросилъ: да полно тотъ ли это Сутугинъ? — но не видя хозяйки, поспѣшно одѣлся и пошелъ въ .....скій монастырь.

Это онъ.

Тѣсноша воспрепятствовала Иволгину пройти внутрь церкви. Онъ хотѣлъ помолиться на паперти, но мысли его были заняты разгадываніемъ причинъ,

побудившихъ Сушугина постричься, и желаніемъ узнать судьбу молодой жены его.

Доносившееся къ нему пѣснопѣніе казалось ему похороннымъ и какъ бы подкрѣпляло гнѣтущее его предчувствіе, что Софья не существуетъ болѣе. Онъ устремивъ неподвижные взоры на распятіе, напрягаетъ всѣ способности свои для молитвы; въ сіе время отрадныя слова Спасителя, изъ устъ служителя церкви Божіей, поражаютъ слухъ его: *пріидите ко мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и азъ упокою вы.* — Иволгинъ непроизвольно палъ на колѣни, и слезы сердечнаго умиленія полились изъ глазъ его.

Обѣдня кончилась. Толпы народа увлекли Иволгина на ограду. Новопостриженный монахъ, въ сопровожденіи братіи, прошелъ въ келью, и Иволгинъ узналъ въ немъ бывшаго своего соперника.

Неожиданная встрѣча.

Ваша милость! Ваша милость! Митрій Степанычь! Митрій Степанычь! кричалъ кто-то вслѣдъ Иволгину, возвращающемуся въ свою кварширу. — Онъ оглядывается и видитъ подлѣ себя Матвѣя Петровича Свіягина.

Свіяг. Давно ли соколъ залетѣлъ въ нашу сторону? Знать братъ разбогатѣлъ: не узнаешь и знакомыхъ? (Иволгинъ снялъ шляпу, вертѣлъ её въ рукахъ своихъ, кланялся Свіягину и бормоталъ что-то сквозь зубы). Што это братъ? — ты прежде былъ рѣчистъ; а теперь.... Ба! ба! ба! да ты болѣнъ! — у тебя и ликъ-то не человѣчій. Полно-ка гулять-то; зайдемъ лучше къ намъ на часокъ; мнѣ надо съ тобой кой о чемъ покалякать. (Онъ взялъ Иволгина за руку и пошелъ къ своему дому). Да што ты не надѣнешь шляпу-то? (Иволгинъ накрылся).

Берегъ! берегъ!

Неожиданная встрѣча съ отцомъ Софіи, привела сиротку въ величайшее смятеніе. Сомнительная надежда и вѣрный страхъ, гнѣздившіеся въ душѣ и въ сердцѣ, связывали языкъ его. Онъ шелъ за своимъ благодѣтелемъ, какъ преступникъ къ мѣсту казни. — Но вотъ они входятъ въ домъ Свіягина. — *Митя!* раздался страшный голосъ надъ головами ихъ. Иволгинъ съ быстротою ласточки бросился на широкое крыльцо и изчезъ изъ вида. Свіягинъ входитъ въ горницу и съ удивленіемъ видитъ дочь свою — блѣдную какъ полотно — распростертую на полу. Подлѣ нее отчаянную мать, и Иволгина на колѣнахъ съ подъятыми къ образамъ руками.

Свіягинъ. Господи помилуй! Што это у васъ случилось?

Жена. И ума не приложу, Матвѣй Петровичь! Вдругъ закричала какъ по-

мѣшанная, да и гряпулась.... Не послать ли за батькой священникомъ? Охъ ты мое сердечушко! Охъ ты моя ненаглядная! —

Между тѣмъ на щекахъ Софьи Матвѣевны проступилъ румянецъ; она тяжко вздохнувъ, открыла томные глаза свои и увидя Иволгина, улыбнулась. Слава Богу! прошептала она, не сводя глазъ съ любезнаго, и опомнясь отъ обморока, медленно встала на ноги.

Свѣлеинъ Што съ тобою — Софьюшка?

Софья. Ничего, батюшка. Я--- испу*жа*лась.

Мать. Да чего ты испу*жа*лась, моя голубушка?

Софья. А вотъ какъ увидѣла Митрія-то Степаныча....

Мать. Не болитъ ли у тебя што нибудь?

Софья. Нѣтъ, матушка.

Свѣле. (Софьѣ.) Поди-тко на часъ сюда.

Онъ взялъ её за руку и увелъ въ образную; а чрезъ четверть часа возвратился одинъ.

Свіяг. (женѣ.) Вели поскорѣй на столъ сбирать. (Иволгину.) Послушай, Митя! я вчера получилъ отъ Сыромятникова письмо. Онъ пишетъ мнѣ, что ты любишь мою Софьюшку. Правда ли это?

Иволг. (Въ сильномъ смятеніи.) Виноватъ, Матвѣй Петровичъ! люблю больше всего на свѣтѣ.

Свіяг. А давно ли пришла тебѣ эта блажь въ голову?

Иволг. Я и самъ не знаю.

Свіяг. Знаетъ ли про это Софьюшка?

Иволг. Я ей никогда не говорилъ о томъ.

Свіяг. (кличетъ.) Софья? (она входитъ вмѣстѣ съ матерью.) Поди поцѣлуй жениха своего.

Софья безъ памяти бросилась въ объятія матери, а Иволгинъ, какъ громомъ пораженный, упалъ въ ноги Свіягину.

Свіяг. (Поднимая его.) Полно, брашъ, полно! ты парень доброй! мнѣ любо будетъ называть тебя сыномъ своимъ. —

Вмѣсто заключенія — письмо.

Почтеннѣйшій милостивецъ, Машвѣй Петровичь! увѣдомляю тебя о земномъ моемъ несчастіи: домъ мой и при немъ лѣсной дворъ и все мое имущество сгорѣло; а новую заготовку лѣса разбило на Волгѣ бурею. Буди Ево Свящая воля!

Не молодыя мои лѣта, давнишняя склонность къ монашеству и вышепомянутой несчастной случай, заставили меня разлюбить всё мірское. — И такъ, мой милостивецъ, прошу непрогнѣваться, что я чрезъ сіе письмо отрекаюсь отъ твоей достойной дочери и вмѣсто міра, хочу поработать Господу. Я далъ строгое обѣщаніе постричься, и съ Божіею помо-

щію не нарушу онаго. Меня призрѣли въ *.....скомъ монастырѣ и я изъ него не выду и ни съ кѣмъ не увижусь, пока не исполню обѣта. Простите меня,—буде досадилъ вамъ, или оскорбилъ, или обидѣлъ васъ; простите, Христа ради. Остаюсь вашъ доброжелатель и богомолецъ *Сутуеинъ* (10).

Пояснения:

(1) У васъ есть товаръ, а у насъ купецъ; значитъ: у васъ есть невѣста, а у насъ женихъ. Рожь, или пшеница, значитъ купецъ, или благородный. Не нынѣшняго умолоту, значитъ — пожилой.

Свахи и нынѣ еще употребляютъ сіи условные термины. Вѣроятно, такъ водилось встарь, когда дѣвушки были менѣе смышлены..... Тогда сваха могла объясняться подобнымъ образомъ при невѣстѣ, не возбуждая ея любопытства; что бываетъ иногда весьма нужно.

(2) Тогда дули съ молитвою во всякое питье, для предохраненія себя отъ порчи.

(3) Въ описываемомъ мною мѣстѣ, лѣтъ за тридцать передъ симъ, за грѣхъ почиталось разговаривать во время обѣда.

(4) Въ то время тарелки послѣ каждаго кушанья перемѣнялись только у богатыхъ господъ. У купцовъ же и зажиточныхъ мѣщанъ, хотя и перемѣнялись, но не за каждымъ блюдомъ. Бѣдные люди о тарелкахъ не имѣли никакого понятія. Всѣ они ѣли изъ общей чаши; а жирныя кушанья разрѣзывали на точеныхъ изъ дерева кружкахъ.

(5) Утиральники, ручники, или полотенцы (аршина въ три длиною) протягивались вокругъ всего стола

по колѣнамъ сидящихъ, такъ, что одного упиральника достаточно было для четырехъ особъ. Салфетокъ между симъ классомъ людей въ употребленіи не было.

(6) Здобный круглый пирогъ съ курицей.

(7) Сбирается, нарлжается.

(8) Маршрутъ.

(9) Насмѣшники вѣрно не упустятъ случая сказать: хороша дочка Аннушка, коли хвалитъ мать да бабушка.

(10) Письмо сіе доставлено къ Матвѣю Петровичу Свіягину на другой день послѣ отъѣзда Дмитрія Иволгина въ Сибирь.

НЕДОСМОТРЫ.

Стран.	*Стр.*	*Напечатано:*	*Читать:*
3 *въ пр.*	16	читателямъ принесу	Читателямъ моимъ принесу
4 *въ кн.*	15	Дидъ, Ладо,	Дидъ и Ладо, (или Диди Ладо,)
6	7	Нашего полку	А нашего полку
—	10	*то же*	
9	13	Въ сердцѣ незнакомца	Въ сердцѣ его
18	15	объ огнѣ	*аб*ъ *а*гнѣ
19	20	Такъ не льзя	Такъ не льзя ли
45	12	пьянаго	пьянова
—	16	въ Полицѣ	въ Полицѣ-шо
48	3	опасно.	ѳпаско.
60	7	(вставъ)	(вставая)
—	8	Какъ и вы здѣсь?	Какъ! и вы здѣсь?
74	21	я её	а я её
78	4	шы меня	шы и меня.
112	2	а парнишка-та	а парнишка-шо
147	12	засохшія; слезы	засохшія слезы;
—	15	давила	бичевала
155	8	ещо	еще

EP - 1 1943

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Jan. 2007

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive

LIBRARY OF CONGRESS
00023262162